

Кудрявцев О.Ф.

Святая Русь, или русская греза доктора Иоганна Фабри

(статья опубликована в кн.: Европейское Возрождение и русская культура XV-середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 129-166)

В начальные десятилетия XVI в. в Европе о Руси знали едва ли больше, чем за несколько столетий перед этим. Сведения о ней оставались крайне немногочисленными, случайными, отрывочными и, конечно, во многих случаях недостоверными. Сообщения купцов, дипломатов, искателей удачи, бывавших на Руси, а также русских послов к европейским дворам быстро превращались в слухи, известность которых была невелика, а жизнь коротка; но и тогда когда сообщения эти записывались – либо самими путешественниками, либо кем-то другим с их слов – то, как правило, долгие десятилетия или даже столетия они лежали под спудом, похороненные в частных или государственных архивах, и становились достоянием общества лишь тогда, когда злободневный интерес к ним проходил, а данные их уже не представляли собой ценности в свете тех, которые были опубликованы в вышедших к тому времени работах. Зато крайне устойчивыми и прочными сохранялись стереотипы восприятия Руси как дикого, варварского, чуждого истинному христианству мира, сложившиеся еще в средние века¹ и активно

¹ *Кудрявцев О.Ф.* «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 508-540.

пропагандируемые в конце XV - начале XVI вв., прежде всего польской публицистикой².

Иоганн Фабри не был в неведении относительно того, сколь низкое мнение усвоено преобладающей частью европейцев относительно религиозности русских, или московитов, твердых приверженцев православного христианства. И об этом он открыто писал во введении к своему труду: «Ввиду [разного] характера людских наклонностей я не сомневался, что найдутся такие, которые, как только прочитают это [повествование] о религии, благочестии, нравах и могуществе московитов, заподозрят, что я скорее угодил [своей] наклонности, нежели, что дела обстоят так, как мы честнейшим образом сообщили, особенно при том, что *среди людей значительно преобладает та часть, которая едва ли дала бы убедить себя в каком-либо благом мнении об этом народе, и что едва ли какой другой народ доселе имел более худую славу в отношении религии* (выделено мной – *Авт.*)». Однако Фабри вопреки этому широко распространенному и устоявшемуся мнению берется доказать обратное, то есть что московиты – “христиане, нравы и весь уклад жизни которых исполнен ничем иным, как истинным благочестием”³. В этих словах

² См.: Хорошкевич А.Л. Российское государство в системе международных отношений конца XV-начала XVI в. М., 1980. С. 126, 127; Граля И. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В.Б. Кобрин. М., 1992. С. 46-50; Кудрявцев О.Ф. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997 (С.6-34). С. 28, 29 № 7.

³ “... agnoscanus pro Christianis, quorum mores, omnis uitae tenor aliud nihil, quam ueram pietatem spirat” (*Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio* // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997 (С. 143-203). С.

слышится заявка на то, чтобы примером русских продемонстрировать западному читателю, в чем заключается и какой должна быть истинно христианская вера. На подобное же восприятие настраивает и предпосланная сочинению Фабри эпиграмма некоего Каспара Куррария (Χασπαρος ὁ Χουρραριος): “Здесь, друг, ты имеешь свидетельства божественных установлений Варваров (ἀγῶματα θεῶν βαρβαρῶν), дабы не пошатнулось почитание твоих собственных божественных установлений”⁴. Бросается в глаза, что русские, или московиты, названы “варварами”, как было принято их характеризовать, начиная с раннего средневековья. Тем большее, по-видимому, должно было, по замыслу Фабри и его единомышленника Каспара Куррария, поразить сознание их современников, прежде всего немцев, среди которых распространились непримиримые религиозные распри, сравнение с тем, как веруют и чтут церковные установления московиты, слывшие доселе народом диким, не знающим ни правильного гражданского порядка, ни истинного богопочитания. Вольно-или-невольно Фабри подражал античному историку Корнелию Тациту, который пример германцев⁵, жителей варварской периферии Римской империи, народа, казалось бы чуждого государственности и высокой культуры, стремился использовать для

144; 172 (Русский перевод О.Ф. Кудрявцева, С.Г. Яковенко; первой указана Стр. латинского текста, через точку с запятой – Стр. русского перевода). В этом издании воспроизведен целиком текст первой публикации трактата Фабри, осуществленной Иоганном Бебелем в Базеле в 1526.

⁴ Ibid. P. 143; 171.

⁵ См. сочинение Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии», созданное в 98 г.н.э., особенно главы 16-27 (Тацит К. Сочинения. СПб., 1993. С. 144-148). См. также работу: Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1991. С. 135-140.

нравственного наставления и исправления римского общества, которому он предназначил свое произведение.

§1. Фабри: жизнь и творчество

Теперь уместно пояснить, кто такой Иоганн Фабри, когда и по какому поводу был написан им труд “Религия московитов, [обитающих] у Ледовитого моря” (*Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*). Родился он в 1478 г. в швабском имперском городе Лойткирхе, настоящее его имя Хейгерлин (или Хайгерлин, Heigerlin)⁶. По примеру других ученых-гуманистов он присвоил себе латинский псевдоним Фабер, или Фабри (*Faber, Fabri*), обозначавший род занятий его отца, который был кузнецом. Начальное образование получил Констанце и Ульме, с 1505 г. учился богословию и юриспруденции в университете Тюбингена, затем – Фрайбурга (1509 г.), был удостоен степени магистра свободных искусств, доктора богословия, а также гражданского и церковного права (1511 г.). В духе

⁶ Основные биографические данные о Фабри см. в следующих изданиях: *Real-Encyclopädie für protestantische Theologie und Kirche*. Leipzig, 1879. Bd. 4. S. 475-477; *Kirchenlexikon oder Encyclopädie der katholischen Theologie und ihrer Hülfswissenschaften*. Freiburg im Br., 1886. Bd. 4. S. 1172-1175; *Aschbach J. von*. Geschichte der Wiener Universität. Wien, 1888. Bd. 3. S. 307-322; *Staub J.* Dr. Johannes Fabri bis zum offenen Kampf gegen Luther. Einsiedeln, 1911; *Helbling L.* Johann Fabri: Generalvikar von Konstanz und Bischof von Wien, 1478-1541. Münster, 1941; *Lhotsky A.* Die Bibliothek des Bischofs von Wien, Dr. Johannes Fabri (1530-1541) // *Lhotsky A.* Aufsätze und Vorträge. Bd. 3: Historiographie, Quellenkunde, Wissenschaftsgeschichte. München, 1972. S. 228-241; *Contemporaries of Erasmus*. Biographical Register of the Renaissance and Reformation. Toronto; L., 1986. Vol. 2. P. 5-8; *Кудрявцев О.Ф.* Иоганн Фабри // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 135-142.

времени он овладел классическими языками – латинским и древнегреческим, изучал древнееврейский.

Церковное поприще Фабри начал викарием, а затем приходским священником в городах Лойткирхе и Линдау; в 1513 г. он стал каноником и епископским официалом в Базеле, а в 1518 г. назначен генеральным викарием констанцкого диоцеза. Тогда же папа Лев X пожаловал ему звание апостолического протонотария. Известно, что Фабри принадлежал к доминиканскому ордену, однако когда он вступил в него, не установлено⁷. Большое влияние на духовное развитие Фабри оказал Эразм Роттердамский, с которым он подружился и по примеру которого занялся изучением наследия древнехристианских писателей, а также церковной и догматической истории. Фабри принадлежал к приверженной ренессансной образованности части клира, к тем представителям обновительного направления в идейной жизни начала XVI в., из среды которых вышли виднейшие деятели немецкого и швейцарского гуманизма и Реформации. В 1518 г. Фабри, как и Ульрих Цвингли, выступил против торговли индульгенциями, которую вел в Швейцарии францисканский монах Бернхард Самсон.

Однако сторонником начавшейся Реформации Фабри не стал; более того, после поездки в Рим, где состоялось его знакомство с известным противником Лютера Иоганном Экком, Фабри пополнил ряды наиболее резких ее оппонентов. Он проповедовал, проводил публичные диспуты, печатал многочисленные произведения по вопросам, связанным с церковным расколом. Самым значительным из них стал трактат “Молот против Лютеровой ереси” (*Malleus in haeresim Lutheranam*, 1524 г.). Наряду с Иоганном Экком, Иоганном Кохлеем и Фридрихом Наузеа, Фабри

⁷ *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44. Heft 1 (S. 1-27). S. 4.

выдвинулся в число ведущих антипротестантских публицистов. Из реформаторов особенно часто Фабри полемизировал с Цвингли.

В 1521 г. эрцгерцог Австрийский Фердинанд сделал Фабри своим советником; в 1524 г. Фабри был назначен личным исповедником эрцгерцога и коадьютором венского епископа. Он вел деятельную борьбу с религиозным инакомыслием в Вене, осуществлял строгий надзор за тамошним университетом, выступал в роли книжного цензора. Его услугами венские власти пользовались не только в церковных, но и в государственных делах. С его участием проходили переговоры с протестантами и собрания имперских чинов. В 1526 г., после того, как турки, разгромив войско венгерского короля в битве при Мохаче, стали угрожать непосредственно австрийским владениям Габсбургов, Фердинанд отправил Фабри с посольством в Испанию к своему брату, императору Карлу V, дабы испросить помощи против турок; такой же была цель дипломатической миссии Фабри к английскому королю Генриху VIII в 1527 г. В качестве уполномоченного констанцкого епископа Фабри в 1529 г. заседал в Шпейерском рейхстаге, где было принято постановление о повсеместном восстановлении католического богослужения, а в 1530 г. – в Аугсбургском, будучи одним из тех, кто составлял “Опровержение” исповеданий немецких и швейцарских реформаторов.

Авторитет Фабри как стойкого защитника католичества был столь высок, что Фердинанд пожаловал ему в декабре 1530 г. освободившуюся к тому времени епископскую кафедру в Вене. За десять лет своей деятельности в качестве венского епископа Фабри употребил много сил к тому, чтобы в австрийских землях был положен предел распространению евангелических учений. Воскресные и праздничные дни он выступал с проповедями, наставляя прихожан в католической вере и опровергая религиозные воззрения протестантов как еретические, ввел строгий надзор за исполнением установленных католической церковью обрядов. Значительно

содействовал Фабри расцвету Венского университета в 30-е гг. Он был в дружеских отношениях с виднейшими университетскими учеными, учредил за свой счет стипендии для неимущих студентов, поощряя их к изучению не только богословия, но также юридических и философских дисциплин. В 1539 г. по инициативе Фабри в Вене был основан Коллегиум Св. Николая для подготовки молодых священников, в котором студенты изучали три древних языка; именно ему он завещал свою огромную библиотеку, насчитывавшую около 4000 томов. Скончался Фабри в мае 1541 г.

Фабри был очень плодовитым писателем, его перу принадлежит множество самых разных работ: трактаты, толкования библейских текстов, проповеди, речи, наставления в вопросах католического вероисповедания, полемические сочинения против еретиков, схизматиков, гуситов, анабаптистов, реформаторов (направленные прежде всего против Лютера, Цвингли, Эколампация, Буллингера, Швенкфельда, Хубмайера). К последнего рода сочинениям можно в значительной мере отнести и трактат “Религия московитов”, наполненный прямыми и завуалированными выпадами против реформационного движения, охватившего Германию⁸.

Рукописный оригинал трактата Фабри, посвященного Московии, не известен. Вслед за Ф. Аделунгом принято считать, что первое издание этого трактата имело место в Тюбингене в 1525 г.⁹ Однако ни одного экземпляра

⁸ См. в этой связи: *Kämpfer Fr.* La “Sainte Russie” vue par l’Europe occidentale: l’image de la chretienté russe en Occidente et le concept de “Sainte Russie // 988-1988: un millénaire. La christianisation de la Russie ancienne. Paris, 1988 (P. 197-208). P. 199; *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 22, 27.

⁹ Ф. Аделунг (Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. I. С. 121, 122) приводит следующее название: *Ioannis Fabri, Lencurchensis, Episcopi Viennensis, Epistola de*

публикации 1525 г. обнаружить не удалось. Сомнения в том, что она состоялась выражал еще Х. Михов¹⁰. Фр. Кэмпфер высказал догадку, что Ф. Аделунг по ошибке принял дату завершения трактата – 18 сентября 1525 г., - указанную в конце текста, за дату его первого выпуска в свет¹¹, который в действительности был осуществлен в январе 1526 г. знаменитым базельским типографом Иоганном Бебелем¹².

Фабри никогда не бывал в пределах Российского государства, и его сочинение представляет собой запись бесед с послами великого князя Московского Василия III, возвращавшимися из Испании от императора Карла V через южногерманские земли на родину. В Тюбингене русские послы князь Иван Иванович Засекин Ярославский и дьяк Семен Борисович

Moscovitarum iuxta mare glaciale religione, seu de dogmatibus Moscorum ad Seren. Principem Ferdinandum, Archiducem Austriae. Tubingae, 1525. См. также: *Adelung F. Siegmund Freiherr von Herberstein. Mit besondere Rücksicht auf seine Reise in Russland geschildert. St. Petersburg, 1818. S. 151. N 8.*

¹⁰ *Michow H.* Das Bekanntwerden Russlands in vor-Herberstein'scher Zeit, ein Kampf zwischen Autorität und Wahrheit // Verhandlungen des fünften deutschen Geographentages zu Hamburg. Berlin, 1885 (S. 119-130). S. 125.

¹¹ *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 2, 3.

¹² *Ad Serenissimum principem Ferdinandum Archiducem Austriae, Moscouitarum iuxta mare glaciale religio, à D. Ioanne Fabri aedita. Basileae, 1526.* О базельских изданиях этого и других сочинений европейцев о Московии см. подробнее: *Кудрявцев О.Ф.* Базельское книгопечатание XVI в. в распространении сведений о Московском государстве // Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей (по материалам двусторонних коллоквиумов историков России и Швейцарии). М., 1995. С. 121-127.

Трофимов были встречены при дворе эрцгерцога Фердинанда¹³, где Фабри вместе с какими-то другими не названными лицами взял у них своего рода интервью, следы которого ощутимо чувствуются в появившемся вскоре повествовании об отечестве, народе, религиозных нравах и уставах московитов. Беседы проходили при посредничестве толмача посольства Власа Игнатьева, сведущего в немецком и латинском языках¹⁴, он переводил вопросы русским послам и их ответы.

¹³ Сведения об этом посольстве к Карлу V сохранилось и в русских документах. В Никоновской летописи есть заметка о его возвращении: «Тое же весны [1526 г.] приидоша от цесаря великого князя послы, князь Иван княж Иванов сын Засекин да Семен Борисов сын Трофимова; а с ними пришли от цесаря послы Леонард от комит, а от брата от цесарева Фердиналда Жигимонт Гибрестен» (Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XIII. С. 45). Эту же информацию подтверждает Герберштейн: “Ultimus est Ioannes cognomento Possetzen, qui Principis sui nomine Oratorem apud Carolum Caesarem in Hispaniis agebat, et nobiscum reversus est” (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. I. С. 90, 91, 358, 359).

¹⁴ См. о нем подробнее: *Гамель И.Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях // Приложение к VIII тому записок Императорской академии наук. СПб., 1865. С. 172, 173; *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. Библиографические материалы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1903. Т. 74. N 1. С. 184-189; *Казакова Н.А., Катушкина Л.Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (перевод письма Максимилиана Трансильвана) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. Л., 1968. Т. XXIII (С. 227-252). 236; *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С 323,

По своему жанру сочинение Фабри тяготеет к эпистолографии, являя собой пример одного из довольно большого числа писем конца XV-первых десятилетий XVI вв., направленных конкретному лицу, но предназначенных для широкого распространения, в которых повествуется о новооткрытых землях и народах. По своему же содержанию оно напоминает докладную записку, в которой конкретный материал – сведения о могущественном и, несомненно, заслуживающем внимания государстве московитов, расположенном на границах Европы, - не имеет самостоятельной, сугубо познавательной ценности, но преподнесен с определенным далеко идущим расчетом, дабы пример другого народа противопоставить религиозно-политической ситуации у себя дома и этим самым повлиять на нее, заставив власть и общество действовать. В самом деле, заказчиком сочинения был эрцгерцог Фердинанд, в руках которого фактически находилось управление Империей, действительным адресатом – вся образованная, читающая палатыни Европа.

§ 2. Собеседования с московитами

Итак, инициативе эрцгерцога Фердинанда приписывает Фабри организацию этого своего рода интервью московитских послов: «Как только ты, светлейший Государь, с приветливостью и великолепием, свойственным твоей царственной душе, встретил и принял московитских послов, ... ты, по свойству твоего замечательного ума тотчас поручил, чтобы я как можно скорее вместе с некоторыми знаменитыми, просвещенными и искушенными во многих вещах мужами, годящимися для дел подобного рода, расспросил, и притом от твоего имени, о происхождении, обычаях, нравах, религии и

324; *Алексеев М.П.* Московский подьячий Яков Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // *Культурное наследие Древней Руси.* М., 1976. С. 127-136; *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 62-66; *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы.* С. 206. N 8.

прочих подобных предметах сих московитов, до недавнего времени нам, немцам, неведомых»¹⁵. Последние слова Фабри заслуживают веры, ибо не только среди немцев, но и среди других народов Европы о сколько-нибудь широком распространении обстоятельных и достоверных сведений о Руси не могло быть и речи. Берясь повествовать о ней, Фабри, похоже, ощущал себя в роли первооткрывателя. К сожалению, Фабри не раскрывает, кто еще, кроме него, из мужей «знаменитых, просвещенных и искушенных» участвовал в расспросах московитов, но полученное им от эрцгерцога поручение подтверждается содержанием другого документа, датированного февралем 1526 г., - напутственного письма Фердинанда графу Нугароле и барону Герберштейну перед их отправкой с посольством к Василию III¹⁶.

Повинуясь воле своего государя, Фабри обещал «исполнять должность верного переводчика» и излагать «без каких-либо пропусков и в том же порядке и виде все сведения об этих людях [то есть московитах – *Авт.*], которые могли быть преданы гласности», но тут же добавлял – «и даже бóльшие, нежели они сообщили»¹⁷. Роль простого стенографиста или литературного оформителя чужих материалов уже не могла устроить гуманистически образованного прелата и он, конечно же, имел в виду, если

¹⁵ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 145; 173.* Еще раз вскользь о поручении Фердинанда Фабри упоминает к концу работы: *Ibid. С. 167; 201.*

¹⁶ «Когда недавно у нас в Тюбингене пребывали, возвращаясь от цесаря, московские послы, мы через советника нашего Иоанна Фабра [так!] подробно расспрашивали об их вере, религии и народных обычаях. Все услышанное от них этот наш советник впоследствии свел в книжку...» (Перевод А.В. Назаренко: *Герберштейн С. Записки о Московии. М. 2008. Т. I. С. 755).*

¹⁷ “etiam maiora quam illi retulerunt”(*Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 146; 174).*

не проверить, то по крайней мере дополнить или пояснить сведения послов данными античных или новых ренессансных писателей. Не исключено, что Фабри еще прежде послов встречался и беседовал с другими русскими – военнопленными, которых после поражения под Оршей (1514 г.) поляки и литовцы в большом числе отправили в Европу. В 1522 г. их видел в Вене Вадиан¹⁸.

§ 3. Историко-этническая идентификация москвитов

Гуманистическая ученость Фабри, исследование им космографической литературы античности и его времени, или, по его словам, «сопоставление греческих памятников с латинскими, и древних [в целом] с более новыми», имели для него гораздо более важное значение, чем расспросы русских послов и военнопленных, для выяснения вопроса о том, что за народ они представляют. Ссылаясь на всеобщую переменчивость вещей – распространенный мотив ренессансной философской литературы, - он в частности констатирует, что, «ничто так сильно не изменилось со временем, как названия стран и областей». Поэтому народы, теперь называемые нами общим именем москвиты, некогда, по свидетельству Плиния, именовались роксоланами (Roxolanos), коих, однако, Птолемей, изменив немного букву, на восьмой карте Европы называет росоланами (Rosolanos), а равно и Страбон. Они уже давно зовутся рутенами. И они – продолжает Фабри свои выкладки, - суть те самые народы, которые некогда, по сообщению Страбона,

¹⁸ *Vadianus I. Commentaria // Pomponius Mela. De situ orbis libri tres. Basileae, 1522. P. 95. См. также: Bryner E. Die russisch-orthodoxe Kirche in der Sicht schweizerischer Autoren der Reformationszeit // «Прими собранье пестрых глав». Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag. Bern; Frankfurt a. M.; New York; Paris, 1989 (S. 611-627). S. 620, 621.*

стойко сражались с полководцами Митридата Антипатора»¹⁹. В последней фразе у Фабри явная опечатка – речь идет о войне Митридата Евпатора (а не Антипатора), понтийского царя, жившего в 120-63 гг. до н.э., против племен Таврии, на помощь которым пришли роксоланы²⁰. Что же касается именованя восточных славян рутенами, то Фабри прав – это название применительно к Руси и ее обитателям (*Ruthenia, rutheni, ruteni*) появилось довольно давно, по крайней мере с XI в., и было широко принято у современников Фабри в XVI в., хотя в античных источниках рутенами обозначалось кельтское племя, обитавшее на границе Аквитании и Нарбоннской Галлии²¹. Дальнейшее преобразование этого имени Фабри объясняет тем, что теперь оно производится от «царского града всей области их», койи зовется Москвой, и звучит как «московиты». Затем Фабри приводит мнение энциклопедиста и космографа Рафаэле Маффеи (1455-1522), прозванного Волатераном, о том, что имя народа происходит от реки Москвы; впрочем у самого Волатерана, из труда которого, находившегося в

¹⁹ *Fabri I. Moscouitarum religio*. С. 146, 147; 175. См. более точные ссылки на упомянутые Фабри античные источники: *Плиний Старший*. Естественная история. IV. 80 // *Античная география* / Составитель М.С. Боднарский. М., 1953. С. 247; *Птолемей*. География. Кн. III. Табл. 7 // *Античная география*. С. 320, 321; *Страбон*. География. VII. II. 4 / Перевод Г.А. Стратановского. М., 1994. С. 280.

²⁰ *Страбон*. География. VII. II. 17. С. 280, 281.

²¹ См.: *Соловьев А.В.* Византийское имя России // *Византийский временник*. М., 1957. Вып. XII (С. 134-155). С. 139; *Буданова В.П.* Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1993. С. 169; *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы*. М., 1997. С. 203. N 3.

личной библиотеке Фабри²², он много заимствовал о москвитях, именно этим именем они ни разу не называются, но только – рутены²³.

«Как бы это имя ни производить, - завершает свои розыскания Фабри, - не столь важно, лишь бы смысл имени был ясен»²⁴. То есть исходными могут быть для имени москвитов названия как города, так и реки – Москва; и народ этот в прошлом обозначался как рутены и роксоланы. Здесь нужно обратить внимание, что Фабри игнорирует еще одну, подкрепленную солидными в среде гуманистов авторитетами точку зрения, с которой он должен был быть знаком. Так, швейцарский гуманист и реформатор Иоахим Вадиан (1484-1551), опубликовавший в 1518 г. в Вене сочинение Помпония Мелы (2 изд. – Базель, 1522 г.) в примечаниях к нему утверждал: «Полагаю, что Хамаксобиты... это ныне расположенный в других местах народ, который, исказив слово, поляки называют москвитами»²⁵. Следуя ему, южнонемецкий гуманист Вилибальд Пиркгеймер в составленных к

²² Первым изданием труд Волатерана (*Volaterranus R. Commentariorum Vrbanorum octo et triginta libri*) вышел в свет в Риме в 1506 г. Экземпляр его, принадлежавший Фабри, обнаружил в венской библиотеке Вальтер Лейтч. См.: *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 8. N 33*. Полностью сведения Волатерана о москвитях на языке оригинала и в переводе см.: Россия в первой половине XVI в. С. 208, 209. N 15.

²³ *Volaterranus R. Commentariorum Vrbanorum octo et triginta libri. Basileae, 1544. Lib. VII. P. 83v.*

²⁴ *Fabri I. Moscouitarum religio. C. 147; 175.*

²⁵ „Намахобиты... Crediderim eos esse quos hodie alibi sitos Poloni Moscouitas uocant corrupto uocabulo (*Vadianus J. Commentaria // Pomponius Mela. Libri de situ orbis tres. Basileae, 1522. P. 94*).

«Географии» Птолемея пояснениях (1 изд. – 1525 г.) различал роксоланов (Кн. III. Табл. 7), которые, по его словам, теперь «именуются нами рутенами, откуда русские и царство русское», и Амаксобиев, или «Хамаксобитов, по Помпонию, коих Вадиан ныне считает Московитами, и у них столица Москва и река Москва»²⁶. Таким образом, русские, или рутены, по Вадиану и Пиркгеймеру, являются потомками древних роксоланов, тогда как московиты – амаксобиев, или хамаксобитов, то есть совсем другой народности²⁷. С этим были категорически несогласны Волатеран и Фабри, которые, хотя и приняли навязанную польской историко-политической пропагандой деноминацию русских подданных Великого Княжества Московского как московитов²⁸, тем не менее считали их тем же народом, что и рутены (то есть русские), отличающимся лишь именем, производным от стольного града государства, ими образуемого.

В пользу подобной идентификации Фабри свидетельствует и подмеченная им близость «рутенов, или московитов»²⁹, в том, что касается языка, к западно- и южнославянским народам. «Язык их [московитов – *Авт.*] весьма похож на богемский, хорватский и славянский и столь близок [языку этих народов – *Авт.*], что славянин мог бы совершенно понять московита, разве

²⁶ “Rutheni a nobis dicti, inde Russiani et Russiae regnum”; “Hamaxobitae Pomponio Vadianus putat hos esse hodie Moscouitas, eorum metropolis Moscua et amnis Mosca” (*Ptolemaeus Cl. Geographia universalis. Basileae, 1540. P. 42*).

²⁷ См. подробнее: *Кудрявцев О.Ф.* Идентификация русских европейскими авторами конца XV- первой половины XVI в. // Восток – Россия – Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика Владимира Степановича Мясникова. М., 2001 (С. 65-72). С. 68, 69.

²⁸ Россия в первой половине XVI в. С. 207, 208.

²⁹ *Fabri I. Moscouitarum religio.* С. 147; 175.

только, по мнению некоторых, у московитов более жесткий и грубый выговор»³⁰. Повод убедиться в подобной языковой близости дали содержащиеся при дворе эрцгерцога Фердинанда переводчики родом хорваты и далматинцы, которые, хотя прежде «никогда не ездили к московитам и не жили у них, однако, когда встретились с ними, смогли понимать их речь»³¹. Дивясь столь тесному языковому родству московитов с хорошо известными ему славянскими народами Европы, Фабри даже счел возможным согласиться с высказанным кем-то до него предположением, что «некогда народ сей [московиты – *Авт.*] был разделен на легионы и из Далмации переселился туда [, где обитает ныне – *Авт.*]», минуя Паннонию, населенную венграми; и не случайно Волатеран, несомненный авторитет для Фабри, «утверждает, что язык рутенов есть полудалматский (*semidalmaticam*)»³².

³⁰ Ibid. С. 149, 150, 178. Под «славянским языком» европейские авторы XVI в. разумели прежде всего наречия южных славян, к коим преимущественно относили и этноним «славянин». «Славянским языком» называет писавший во второй половине XVI в. Поссевино язык южных славян, в частности обитателей Хорватии и Боснии. «Они [московиты] не знают славянского языка, хотя он настолько близок к польскому и русскому, что тот священник, славянин по национальности [Дреноцкий, уроженец Загреба]...»; и чуть ниже: «Ведь переводчик этого “Диплома” на славянский язык не знал особенностей русского языка, но составил какую-то смесь из боснийского и хорватского языков» (*Поссевино А. Московия. Кн. I // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Перевод Л.Н. Годовиковой. М., 1983. С. 27, 28*).

³¹ *Fabri I. Moscouitarum religio. С. 150; 180.*

³² Ibid. С. 150; 178, 180; *Volaterranus R. Op. cit. P. 83v.*

Словом, по Фабри, московиты – это иное название рутенов, или русских, точнее – той их части, которые объединены вокруг стольного града Москвы; и находятся эти московиты в теснейшем родстве с другими славянскими народами Европы, о чем свидетельствует их языковая близость.

§ 4. Просторы Евразии: местоположение Московии и ее города

«На границах Европы»

Александр Пушкин

«В воротах Азии, среди лесов дремучих»

Николай Заболоцкий

Одним из первых Фабри дал определенную географическую характеристику Московской Руси как страны евразийской: «... империя герцога московского воистину весьма обширна и протяженна, охватывает немалые территории в Азии, а также в Европе»³³. Речь, конечно, идет не о попытках поставить под контроль повелителя московитов земли за Уралом, а о том, что его владения простираются к западу и востоку от реки Танаис (Дон), считавшейся с античных времен границей Европы и Азии³⁴. Великие просторы только теперь по-настоящему открываемой Руси начинают завораживать европейцев.

Довольно точно Фабри обозначает границы московитских владений. «Итак, рутены, или московиты, расположены более к востоку, весьма близко

³³ „... Moscouitarum certe ducis imperium adeo latis protenditur, longisque agris, ut aliquot spatia Asiae complectatur, aliquot etiam Europae, eaque minime parua” (*Fabri I. Moscouitarum religio. C. 148; 176*).

³⁴ См.: Россия в первой половине XVI в. С. 119. N 14; *Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты. Перевод. Комментарии. М., 2002. С. 29; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Античные источники / Составитель А.В. Подосинов. М., 2009. С. 182, 230.*

от Борисфена [то есть Днепра – *Авт.*] граничат с одной стороны с литовцами и далее с поляками, а с другой – с татарами»³⁵, - пишет Фабри. Значит, если на западе московиты имеют литовцев и поляков, то на другой стороне, то есть на востоке, их соседями являются татары, которые «постоянно ведут против них войну, совершая частые набеги». С юга они также терпят «бесчисленные невзгоды войны от кафского царя [то есть крымского хана – *Авт.*], который, несомненно, в отношении военной силы является могущественнейшим среди татар». И только на севере они имеют, что называется, естественные рубежи, ибо «окружены Ледовитым морем, берег коего, хотя и весьма обширен, почти весь принадлежит герцогу московскому»³⁶.

По сведениям Фабри, в Московии довольно много больших городов. Как сообщили ему московитские послы, столица ее, город Москва, превосходит Кельн (Колонию Агриппину), который они исследовали с большим тщанием. Не уточняется, правда, имеются ли в виду размеры территории, занимаемой городом, или величина его населения; ибо площадь русских городов должна была значительно превосходить западные города за счет неплотной застройки и наличия между домами больших пространств, используемых под сады и огороды³⁷. Равными по величине с Москвой городами Фабри называет Владимир, Псков, Новгород, Смоленск, Тверь, «застроенные, по рассказам, пышными царскими хоромами, а также хорошо укрепленные стенами,

³⁵ *Fabri I. Moscovitarum religio. С. 147; 175.*

³⁶ *Ibid.*

³⁷ Упоминание о садах в Москве см. у Павла Йовия: *Paulus Iovius. Libellus de legatione Basilii magni principis Moschoviae ad Clementem VII // Россия в первой половине XVI в. С. 240, 241, 271, 272. См. также: Черный В.Д. Русские средневековые сады. М., 2010. С. 81-85; Филлюшкин А. Василий III. М., 2010. С. 72, 73.*

которые сооружены из тесаного камня или из обожженного кирпича». Конечно, величина всех этих названных городов не могла идти ни в какое сравнение с Москвой, в этом Фабри явно ошибался; недостоверны также его сообщения о хороших укреплениях городов - не их детинцев, а именно городских стен. Лишь у Пскова были надежные внешние укрепления, о которых Фабри пишет отдельно: «По сравнению с другими особенно сильно укреплен Псков, опоясанный тремя стенами». Правда, и тут Фабри неточен; по свидетельству Герберштейна, Псков действительно окружен каменной стеной и разделен на четыре части, каждая из которых заключена в своих стенах, что дает повод «некоторым ошибочно утверждать, будто он окружен четырехкратной стеной»³⁸.

Прочие города, коим, замечает Фабри, несть числа, не столь знамениты³⁹. И все же имена некоторых он дает, указывая их в качестве епископских резиденций: помимо названных ранее, упомянуты также Ростов, Суздаль, Рязань, Коломна, Вологда, Крутицы⁴⁰.

§5. Природные условия и занятия обитателей Московии

О природных условиях Московии сведения, сообщаемые Фабри, чрезвычайно скудны. Он пишет о ее «необыкновенно обширных лесах», в которых ловятся черные лисицы и белые медведи, хотя место обитания белых медведей безлесые области Арктики; ссылаясь на философию, он

³⁸ *Fabri I. Moscouitarum religio. С. 148; 174; Герберштейн С. Записки о Московии / Перевод А.И. Малеина, А.В. Назаренко. М., 2008. Т. I. С. 346, 347.*

³⁹ *Fabri I. Moscouitarum religio. С. 148; 176.*

⁴⁰ *Ibid. С. 152; 182.* Перевод названий последних трех городов – “Colmum, Volut et Frotini” - дан с большой долей условности. См.: Россия в первой половине XVI в. С. 212. N 48.

поясняет, что причина белой окраски животных – «чрезвычайный северный холод»⁴¹. В лесах, по Фабри, живет много людей, промышляющих звероловством. У московитов также огромное множество пчел, дающих в изобилии мед и воск, ценящиеся у них, впрочем, невысоко. По данным Фабри, «из-за частых войн земля у них [московитов – *Авт.*] остается необработанной и невозделанной», то есть земледелием они почти не занимаются; утверждение это явно не соответствует действительности; похоже, Фабри использовал где-то добытые старые сведения о Северной Руси – Новгороде и его владениях, действительно импортировавших продукты зерноводства, - и посчитал за верное отнести их ко всей Московской Руси. Основные жизненные припасы московиты, согласно Фабри, будто бы «получают не от чего иного, как от мехов, для приобретения которых приезжают купцы как из наших [Южная Германия – *Авт.*], так и из более отдаленных краев, - столь высокими качествами они обладают; ибо наиболее ценящиеся у нас меха – собольи, бобровые, горностаевые и им подобные – мы покупаем у них»⁴². Действительно, в особенности после присоединения Новгорода, Московская Русь становится главным рынком пушных товаров; однако в обмен на них московиты приобретают отнюдь не «жизненные припасы», то есть продовольствие (за исключение экзотических

⁴¹ *Fabri I. Moscovitarum religio*. С. 150; 180. О том, кто именно из философов белую окраску меха животных объяснял сильными северными морозами, указал Адам Олеарий, цитируя Авиценну и Аверроэса (*Olearius A. Vermehrte Neue Beschreibung der Muscovitischen und Persischen Reyse*. Schleswig, 1656 (Reprint: Tübingen, 1971). S. 156; *Олеарий А. Описание путешествия в Московию* / Перевод Ф.М. Ловягина. М., 1996 (1 изд. – 1906 г.). С. 174). См. также: *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch*. S. 17.

⁴² *Fabri I. Moscovitarum religio*. С. 150; 180.

его видов – сладкие вина, орехи, сушеные плоды и т. п.), а изделия из металлов, ткани, золотую и серебряную монету.

Торговый обмен у москвитов, в изображении Фабри, весьма и весьма примитивен. «Договариваясь только на словах, без долгих околичностей они заключают торговые сделки и [предлагают] товар за товар... весьма часто меняют они меха на плоды и другое, необходимое для жизни». Вместе с тем, здесь же Фабри замечает, что «золотые и серебряные деньги у них в большом ходу»⁴³. Получается какая-то абсурдная ситуация: описана торговля в виде натурального обмена продуктами, которой не нужно никакое опосредствование деньгами, и в то же время признается, что деньги, золотые и серебряные монеты, широко используются – интересно, где, если не в торговле? Похоже и в случае с описанием торговли Фабри опирался на какое-то известие, рассказывающее, как ведется торг с обитателями крайнего Севера, действительно происходивший в виде натурального обмена, и полагал, что это известие применимо для описания торговли Московской Руси.

Денежная система Руси у Фабри показана тоже весьма архаичной. Ссылаясь на Волатерана, он утверждал, что «рутены используют монеты без клейма»⁴⁴ (речь идет, конечно же, о гривнах), хотя монету с изображениями на обеих ее сторонах, как в Москве, так и в других княжествах Северо-Восточной Руси (Суздальско-Нижегородском, Рязанском), начали выпускать в широких масштабах, по крайней мере, на полтора столетия раньше

⁴³ Ibid. С. 151; 180. Ср. то же самое у Волатеррана: *Volaterranus R. Op. cit. Lib VII. P. 83r.*

⁴⁴ Ibid. С. 151; 181; *Volaterranus R. Op. cit. Lib VII. P. 83r.*

времени, когда писал Фабри⁴⁵. Правда, он тут же добавляет, что, опросив москвитов, узнал об активном использовании у них венгерских денег; и эту информацию подтверждает Герберштейн, ведя речь о хождении золотой монеты в Московии венгерской или рейнской чеканки⁴⁶.

§ 6. Рожденные Севером: нравы обитателей Московии

«Среди племен, [подвластных] императору москвитов, есть и такие, которые не употребляют и не имеют ни вина, ни хлеба, а питаются, подобно зверям, [мясом] зверей; этим они сходствуют с татарами, народ неизвестный и совершенно дикий, обитающий в лесах по берегам Ледовитого моря неподалеку от Татарии», - опять внимание Фабри привлекает полунощный край русской страны с его особенным, каким-то звероподобным населением, своего рода дикарями Севера. Им он противопоставляет других жителей Московии, из Новгорода и иных городов, которые, «как и мы [немцы, европейцы – *Авт.*], употребляют в еду блюда из рыбы, более приставшие в гражданском общежитии»; именно этим, то есть пищей из рыбы, пусть и приготовленной несколько по-другому, чем привычно Фабри, собственно москвиты, то есть русские (рутены), являют «большую цивилизность» (*magis civiliter*)⁴⁷.

Странный и несколько непривычный критерий «цивилизности» находит Фабри для русских. Впрочем, не стоит обольщаться: как бы Фабри ни ставил их выше дикого населения крайнего Севера, он далек от того, чтобы считать

⁴⁵ Начало чеканки монет в Москве относится к правлению Ивана Ивановича Красного (1353-1359 гг.). См.: *Гайдуков П.Г.* Русские полуденги, четверетцы и полушки. М., 2006. С. 44-48.

⁴⁶ *Fabri I. Moscouitarum religio.* С. 151; 181; Герберштейн. С. Записки о Московии. Т. I. С. 270, 271.

⁴⁷ *Fabri I. Moscouitarum religio.* С. 151; 180, 181.

их образцом цивилизованности и культуры. Более того, даже обнаруживая у московитов чистоту христианской веры и противопоставляя ее религиозным смутам в Германии, он то и дело при этом подчеркивает их грубость, даже дикость, имея в виду прежде всего нравы повседневной жизни. Конечно, делается это в назидательных целях, ибо набожность подобных людей должна усиливать впечатление нелепости того, что происходит с немцами. Но тогда возникает вопрос: а почему нравы московитов не смягчаются и, как бы сейчас сказали, не цивилизуются под воздействием их чрезвычайного благочестия? Не мешает ли этому какая-то их природная предрасположенность? Похоже, ситуацию с московитами надо понимать именно так. Ведь не случайно Фабри в “Молоте против Лютеровой ереси” их назвал жителями севера (*septentrionales*), а на титуле трактата “Религия московитов” уточнил, что обитают они “у Ледовитого моря” (*Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*)⁴⁸. В тексте же самого трактата, описывая природные условия их земли, Фабри не раз обращал внимание на то, что с севера она омывается «Ледовитым морем», иначе называемым «Кроновым озером» (*lacum Cronium*) и свойственен для нее «чрезвычайный северный холод», оказывающий решающее воздействие на всех живых существ⁴⁹. Согласно с этим и людям, обитающим на севере, как внушали еще корифеи античной, средневековой и ренессансной науки – Аристотель, Фома Аквинский, Джованни Пико дела Мирандола, - природой предопределено быть дикими, свирепыми, чуждыми какой-нибудь правильной гражданской жизни⁵⁰, о чем не забывает напоминать нам в связи с московитами и Фабри.

⁴⁸ О «Ледовитом море», коим московиты окружены с севера, см.: *Ibid.* С. 147, 167; 175,176, 201.

⁴⁹ *Ibid.* С. 147, 150; 175, 176, 180.

⁵⁰ См. подробнее: *Кудрявцев О.Ф.* «Другой мир»: характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом. С. 532-535.

**§ 7. Пример для подражания, или политический
строй Московии**

Главная цель сочинения Фабри не познавательная, а публицистическая. Ибо оно призвано не столько рассказать о мало известной стране, сколько дать немцам (и всей образованной Европе) назидание и пример правильной и праведной жизни. Касается это, прежде всего государственного строя, вооруженных сил и особенно религии. Московское государство изображается у Фабри близким подобием Священной Римской Империи, но без тех изъянов, которые были присущи этому государству и которые в условиях новых международных и внутренних угроз поставили под вопрос само его существование. «Князь Московский, - пишет Фабри, - имеет под своей рукой многочисленных князей провинций, весьма могущественных... Замечательно и весьма заслуживает высшей похвалы у них то, что всякий из них, как бы ни был он знатен, богат и могущественен, будучи потребован [великим] князем хотя бы через самого низкого гонца. Тотчас спешит исполнить любое повеление своего императора [так!], яко повеление Божье, даже тогда, когда это, казалось, сопряжено с риском или опасностью для жизни. Более того, величайшим проступком и бесчестьем считается у них, если кто-то по своей воле не услужит во всем [своему] герцогу [так!]. И, напротив, славна в муже покорность [государю]»⁵¹.

В правление Ивана III и Василия III в Московском государстве еще оставались владетельные служилые (или «служебные») и удельные князья, число которых, правда, постоянно и неуклонно сокращалось⁵², достаточно

⁵¹ *Fabri I. Moscouitarum religio*. С. 148, 149; 177.

⁵² См.: *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома (1 изд. – 1847 г.) // *Соловьев С.М.* Древнерусские князья. СПб., 2010. С. 325-361; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 34-52; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени (Очерки политической

полновластные в своих владениях, но в то же время беспрекословно исполнявшие, как и вся московская знать, особенно в делах войны, повеления своего государя. Это-то и вызывало восхищение Фабри, который как лицо, хорошо сведущее в делах Империи, невольно сравнивал с порядками Московии поведение наследственных территориальных владетелей Германии, цепко державшихся за свои права и привилегии, нередко проводивших политику, не только не согласную с императорской, но и, случалось, враждебную ей⁵³. Идеализация политического строя Московии была чрезвычайно актуальна в то время, когда Фабри писал о нем, ибо как раз на 1525 г. приходится один из самых серьезных моментов острого военного противостояния Империи и Франции в ходе так называемых Итальянских войн и тогда же со всей очевидностью обнаружилась перспектива тяжелого, неотвратимого столкновения с османами, уже изготовившимися нанести удар по Венгрии. В этих условиях солидарность с правительством всех чинов Империи, и прежде всего князей. В среде которых уже обнаружилась тенденция к образованию враждебной Габсбургам группировки, была как никогда необходима. Именно с целью вразумить князей Империи и показать, насколько преданны они должны быть престолу, Фабри обращается к примеру Московии, представленной, конечно же, как страна образцовых, достойных подражания устоев. Чтобы дать им живую конкретную иллюстрацию, Фабри рассказывает о русском

истории России первой половины XVI в.). М., 1972. С. 97-105 и в др. местах; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV- первой трети XVI в. М., 1988. С. 143-146; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 48-68; *Филлюшкин А.* Василий III. М., 2010. С. 46-50.

⁵³ См.: *Колесницкий Н.Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 152-193.

после, с которым он вел беседы, когда тот после посещения в Испании императора Карла V вновь прибыл в Германию к эрцгерцогу Фердинанду, и который будто бы в случае военной необходимости «обычно выставляет своему императору тридцать тысяч конницы». Имеются и другие князья, - добавлено тут же, - располагающие немалой военной силой»⁵⁴.

Цифра в тридцать тысяч конных ратников, которых готов выставить указанный Фабри русский князь, невероятна и очевидно преувеличена, причем скорее всего немецким автором. Русский посол в Империю, этот «убеленный сединами брадатый старец»⁵⁵, Иван Иванович Засекин Ярославский из младшей ветви ярославских князей⁵⁶, не был крупным территориальным владетелем, а относился к не очень богатым и мало влиятельным служилым князьям; поэтому в случае войны он едва ли мог привести государю значительный отряд воинов.

Впечатлить читателя книжицы Фабри должна была описанная им полная преданность московитов своему государю, согласных жертвовать ему абсолютно всем. «Словом, нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа, нежели умереть за своего государя. Ибо они справедливо полагают, что так удостоится бессмертия»⁵⁷. Речь, конечно, идет о бессмертии души. Таким образом, безоглядно служить государю, положить за него свою жизнь считается у московитов, если верить Фабри, делом в высшей степени

⁵⁴ *Fabri I. Moscouitarum religio*. С. 148, 149; 177.

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ См.: *Кобрин В.Б.* Указ. соч. С. 53-56; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV- первой трети XVI в. С. 95, 96.

⁵⁷ “*Sic enim recte se immortalitate donari existimant*” (*Ibid.* С. 149; 178).

богоугодным, приравнивается к религиозному подвигу, обеспечивающему спасение души. Да иного отношения к монаршей власти Фабри и не мог допускать, ведь ее носитель есть не просто помазанник Божий, но живой и видимый образ самого Царя небесного; и достоподобное восприятие этой власти он, в данном случае, надо признать, небезосновательно⁵⁸, обнаружил у московитов.

Вместе с тем, политический строй Московии Фабри определяет как *аристократию*⁵⁹, то есть, по Аристотелю, как одну из правильных форм правления, при которой власть принадлежит немногим, но лучшим людям⁶⁰. А это означает, что хотя монарх и располагает у подданных безусловным авторитетом, он в то же время считается с верхушкой своего государства, не игнорирует тех, кого Фабри назвал могущественными «князьями провинций». Такой Фабри изображал Московскую Русь, по образцу которой

⁵⁸Подробнее о богоустановленности власти московских государей в русских документах XV-XVI вв. см.: *Иконников В.С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 314, 315; *Дьяконов М.А.* Власть московских государей. Очерки истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889. С. 98-110; *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006 (1 изд. – 1916 г.). С. 147, 160, 163 и в др. местах; *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. С. 134-137; *Никифорова М.Е.* Преподобный Сергей Радонежский и его традиция в русской истории XIV-первой половины XVI вв. М., 2004. С. 139-148.

⁵⁹ „Et quod ad remp. pertinent, hi [московиты – Авт.] aristocratian amplectuntur...” (Ibid. С. 168; 202).

⁶⁰ *Аристотель.* Политика. 1279a35, 1286b 4-6, 1289a27-34 // Сочинения. Т. 4. С. 457, 479, 488, 501.

он желал бы перестроить порядки Империи. «Наши же [то есть немцы – Авт.] предпочитают, - с горечью констатировал он, - чтобы все превратилось в демократию и олигархию»⁶¹, считавшиеся начиная с Аристотеля, неправильными формами правления⁶².

§ 8. Титул московского государя

Вопрос о титулатуре московского государя в течение многих столетий осложнял отношения Руси с европейскими государствами.

Сам Фабри в своем сочинении именует русского монарха по-разному. На протяжении всего нескольких страниц⁶³ он его обозначает тремя титулами. По крайней мере трижды Фабри называет московского государя «герцогом» (*dux*); однажды он использует титул «князя» (*princeps*); но чаще всего – «император» (*imperator*), который по статусу гораздо выше первых двух титулов. Объяснить, в каких случаях Фабри применяет тот или иной титул невозможно; в одном случае употребленный Фабри титул явно не соответствует указанному им же статусу государства «империя герцога московского» (*Moscouitarum ducis imperium*)⁶⁴.

Такая неразборчивость, а лучше сказать путаница в титулатуре русского государя, допущенная не каким-то мало сведущим в политике писателем, а советником и личным исповедником эрцгерцога Австрийского Фердинанда, фактического правителя Империи, ставит в тупик. Тем более что Фабри в

⁶¹ „...nostri uero democratia, oligarchiaque omnia magis misceri uolunt“ (*Fabri I. Moscouitarum religio*. С. 168, 202).

⁶² *Аристотель*. Политика. 1279b5-10, 1286b17-22, 1289a26-30, 1291b9-16. С. 457, 479, 488, 495.

⁶³ *Fabri I. Moscouitarum religio*. С. 147; 175-178.

⁶⁴ *Ibid.* С. 148; 176.

этой же работе привел два подлинных документа, в которых российский государь поименован императором. Один из них, правда, московского происхождения, это инскрипция царской грамоты иноземным государям: «Василий, Божьей милостью император [в оригинале, конечно, должно было стоять царь – *Авт.*] всея Руси и великий князь Владимирский, Новгородский, Псковский, Смоленский и Тверской»⁶⁵. Другой – тоже инскрипция, но уже грамоты императора Карла V к Василию III, в коей российский монарх поименован не только «Божьей милостью императором и повелителем рутенов», но и «старшим братом и другом нашим дражайшим»⁶⁶. Таким образом, первый среди монархов латинского Запада готов был признать русского правителя равным, если не более высоким по положению, государем; однако грамота с подобным обращением на Русь так и не была отправлена, нашлись силы (их выразителем был, в частности, Герберштейн), потребовавшие более скромного величания Василия III⁶⁷. Похоже, оглядываясь на эти политические круги, ориентированные не на налаживание отношений с Москвой, а на союз с Польско-Литовским государством, Фабри не стал к русскому правителю применять только титул императора, «разнообразя» его двумя другими – герцога и князя; вместе с тем, уже потому, что Русь он изображал как сильное, образцовое государство, с которым имеет смысл дружить и с которого не худо бы брать пример для исправления дел в Германии, а также потому, что он поместил документы

⁶⁵ Ibid. С. 148; 177.

⁶⁶ Ibid. С. 144; 172.

⁶⁷ *Герберштейн С.* Замечания о полученных им от эрцгерцога Фердинанда инструкциях // *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 752, 753. См. подробнее: *Россия в первой половине XVI в.* С. 204, 205 N 5; *Кудрявцев О.Ф.* Неизвестная грамота Карла V Василию III // *Новая и новейшая история.* 1997. № 5 (С. 224-228). С. 226-228.

дипломатических сношений, определенно называющие Василия III императором, Фабри доказывал законность и обоснованность именно этого титула и сам предпочтительно перед другими его употреблял.

Стоит заметить, что еще в издании сочинений Фабри 1537 г.⁶⁸ предисловие с инскрипцией грамоты Карла V к Василию III сохраняется, тогда как, начиная с издания 1541 г.⁶⁹, чьими-то стараниями оно исчезает и более не появляется в публикациях этого трактата Фабри.

§ 9. Вооруженные силы московитов

В глазах Фабри и некоторых иных европейских авторов его времени, писавших о России, страна эта выглядела привлекательно в качестве возможного военного союзника против общих врагов, прежде всего против османов, экспансия которых в первые десятилетия XVI в. представляла непосредственную опасность для стран Средиземноморья и Центральной Европы. Фабри, конечно, преувеличивал, оценивая численность московитского войска в двести и триста тысяч ратников, которых российский государь может быстро собрать, намереваясь вести их против своих неприятелей татар, «кафского царя» (крымского хана) или кого-то другого⁷⁰. Если приведенные цифры были названы Фабри русским послом, то он, по замечанию В.О. Ключевского, стремился «выставить в выгодном свете военные силы своего отечества»⁷¹, которые, по прикидкам историков, не

⁶⁸ *Fabri I. Opuscula quaedam. Lipsiae, 1537. Sig. 0ivr-Pvir.*

⁶⁹ *Fabri I. Moscouitarum religio // Opus historiarum nostro saeculo convenientissimum. Basileae, 1541. P. 196-233.*

⁷⁰ *Fabri I. Moscouitarum religio. С. 149; 177.*

⁷¹ *Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991 (1 изд. – М., 1866). С. 66.*

превышали ста десяти тысяч человек⁷². Впрочем, и эта цифра выглядела бы внушительно.

И опять Фабри выдает желаемое за действительное, утверждая, будто «с таким сильным войском из конницы, подобной рою пчел, они часто одерживают решительные победы над турками, татарами и другими народами. И тогда, когда цесарь Максимилиан вступил с ними в союз [1514 г. – *Авт.*], они вели войну с королем Польским⁷³. На самом деле с турками русские еще не воевали. О «решительных победах» (*fortissimos triumphos*) над татарами вообще говорить не приходится: походы на Казань были неудачны, а набег крымских татар в 1521 г., дошедших почти до Москвы, имел для Руси самые тяжелые последствия; войны с Польско-Литовским государством шли с переменным успехом. Так что намекая на выгоды военного союза с московитами, Фабри преувеличивал их военные достижения, которые на тот момент ограничивались лишь взятием Смоленска (1514 г.).

Так же высоко отзывается Фабри о военном умении московитов, обращая внимание на их прогресс в тактике ведения боя: «Поскольку они постоянно воюют, постольку они постоянно становятся искуснее в военном деле, как в обороне, так и в наступлении. Прежде, подобно парфянам, они одерживали победы, действуя больше отступательным, нежели наступательным образом, забрасывая [врагов] стрелами из луков; теперь же они стали искуснее во всех видах войны наступательной и оборонительной, применяют медные орудия, именуемые бомбардами, расставляют удивительной величины строи с

⁷² *Середонин С.М.* Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в. СПб., 1891. С. 13; *Чернов А.В.* Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 94.

⁷³ *Fabri I.* *Moscouitarum religio.* С. 149; 178.

обычной [для них] старательностью»⁷⁴. У современного историка вопрос может вызвать уместность сравнения с парфянами, кочевниками, каковыми москвиты никогда не были. Впрочем, и остальная информация о вооруженных силах москвитов нуждалась бы в уточнениях, теперь уже не вполне возможных. И все же, надо признать, что у читателей Фабри она должна была создать самое благоприятное впечатление о русских как боеспособных и выгодных союзниках.

§10. Основания веры у москвитов

Основную часть всей работы Фабри, более двух третей ее объема, занимает тема религии и церковной жизни москвитов⁷⁵. «Но важнее всего то, - пишет Фабри, - что они держатся христианской веры, которая, как они утверждают, им была возвещена Святым апостолом Андреем, братом Симона Петра»⁷⁶. Такая констатация дает Фабри повод не только восхититься верой

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ См. также наблюдения: *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 21.*

⁷⁶ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 151; 181.* См.: Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. СПб., 1996. С. 9. По наблюдению И.С. Чичурова, «интенсивное развитие преданий об апостоле Андрее» как основателе христианства на Руси «приходится на время начиная со второй половины XV в.» («Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990 (С. 7-23). С. 11-13). В связи с затронутой темой см. также работы: *Gerhardt D. Das Land ohne Apostel und seine Apostel // Festschrift für Dmytro Čyževskyj zum 60 Geburtstag. Berlin, 1954 (S. 121-142). S. 132; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.). СПб., 1996 (1 изд. – Мюнхен, 1982 г.). С. 17-20 (здесь же см. библиографию, посвященную*

русских, но и попрекнуть своих соотечественников в отходе от нее: “Итак, с бóльшим постоянством души, нежели многие из наших, они твердо стоят в первой вере, воспринятой от апостола Андрея, его преемников и святых отцов и впитанной ими с материнским молоком”. Чуть раньше он указывает на полное приятие русскими соборных постановлений и писаний отцов церкви (названы Василий Великий и Иоанн Златоуст), ибо все это почитается ими столь же «святым, непреложным и чистым», как и то, что содержат «Евангелия Христа», и от этого «вплоть до сего дня никому из них не дозволено было отступить ни на вершок»⁷⁷. Совершенно ясно, что столь высокий авторитет, коим у русских пользуется церковное Предание, должен обнаружить неправоту деятелей Реформации, ставящих это Предание неизмеримо ниже Священного Писания. И также совершенно ясно, что «люди, свято оберегающие свою древнюю веру, ни в коем случае не допускают, чтобы в их среде происходили расколы на различные ереси»⁷⁸. Для разрешения же каких-либо недоразумений в вопросах веры или в обрядах они обращаются только к авторитету епископов⁷⁹.

летописному известию о проповеди апостола Андрея в Киеве и Новгороде);
Мурьянов М.Ф. Андрей Первозванный в Повести временных лет // Палестинский сборник. Л., 1968. Вып. 19 (81). С. 159-163; *Кузьмин А.Г.* Сказание об апостоле Андрее и его место в начальной летописи // Летописи и хроники. Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 37-47; *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Там же. С. 48-63.

⁷⁷ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 151; 181. См. в этой связи наблюдения: *Замысловский Е.Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. С. 391, 392.

⁷⁸ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 151; 181.

⁷⁹ *Ibid.* С. 151, 152; 181, 182.

§ 11. Церковная иерархия

И вообще, по Фабри, власть епископов у московитов весьма велика и они, что ему очень важно подчеркнуть, “не очень разнятся во многих отношениях от наших [т. есть католических – *Авт.*]”⁸⁰. Главой русской церкви он называет архиепископа, имеющего резиденцию в Москве (на самом деле московский святитель был в сане митрополита), которому подчиняются епископы Ростова, Суздаля, Твери, Смоленска, Рязани, Коломны, Вологды и Крутиц (в действительности церковный иерарх Ростова, а также иерарх Новгорода, о котором Фабри не упоминает, имели сан архиепископа)⁸¹. В полномочия епископов входит рукополагать и низлагать священников, они же, если верить Фабри, “отправляют таинство конфирмации”, которого, впрочем, в православной церкви нет, освящают хрисму и масло для крещения. Опять же, если верить Фабри, русские епископы, «как и у нас, - не упускает он случая подчеркнуть, имеют своих викариев и официалов, которые управляют подданными и осуществляют правосудие в делах церковных». Живут они десятинами, по установлению Божьему, и точно так же, как католические прелаты, “пользуются пожалованными им по праву именьями, владеют селами и замками”⁸². Фабри слишком увлекся, ибо уже Герберштейн явно, полемизируя с ним, заметил совсем иное: “Замков же, городов или какого-нибудь мирского (как они выражаются) управления они

⁸⁰ Ibid. С. 152; 182.

⁸¹ Ibid. С. 152; 182, 212 N 48.

⁸² “Decimis, quemadmodum à deo decretum est, quoque uiuunt episcopi: dominijs utuntur iure concessis, uillas ac castra possident” (Ibid. P. 153; 183). Обоснование прав епископов на владение «мирским имуществом» см. также в более раннем трактате Фабри: *Fabri I. Malleus in haeresim Lutheranam* (1524) / Hrsg. A. Naegele (Münster, 1941, 1952. Bd. 1-2). Bd. 1. P. 328.

[то есть епископы русских – *Авт.*] не имеют”⁸³. Равным образом и десятины предназначались на Руси не для содержания клира⁸⁴.

Аналогию с католиками Фабри находит и в том, что в качестве знаков их сана епископы на Руси «используют точно так же, как и наши, посохи и митры»⁸⁵.

Особый восторг вызывает у Фабри постничество высших иерархов русской церкви, по-видимому, не столь уж характерное для первопастырей у католиков, если он даже не пытается провести между ними параллель: «Воздержание в пище и питии архиепископов и остальных епископов превыше всяких похвал и столь замечательно и велико, что они, почти наравне с монахами их страны, которая ими изобилует, связаны тем же законом, ни при каких обстоятельствах не дозволяющим им употреблять в пищу мясо»⁸⁶.

Епископат на Руси играет важную роль в социальной жизни, если, как сказано у Фабри, “среди приближенных епископа есть люди как знатного, так и иного происхождения”⁸⁷, другими словами епископский двор пользуется высоким престижем, являясь центром притяжения для выходцев из различных общественных групп, включая знать. Эта картина, правда, больше напоминает положение высших церковных иерархов в Германии,

⁸³ “*Castra autem, civitates aut ullam administrationem secularem (ut vocant) non habent*” (*Герберштейн С. Записки о Московии. С. 150, 151*).

⁸⁴ См. подробнее: *Рущинский Л.П.* Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М., 1871. С. 132, 133.

⁸⁵ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 153; 184.*

⁸⁶ *Ibid.*

⁸⁷ “*Sunt episcopis suae familiae, tum nobilibus, tum alijs constitutae*” (*Ibid.*).

“князей церкви”, располагавших не только духовной, но и светской властью и потому собиравших при своем дворе для выполнения разных служб или в качестве соискателей почетных и доходных должностей лиц благородного звания. Можно согласиться с мнением Фр. Кэмпфера о том, что сам Фабри, обладатель нескольких церковных доходных мест (*Inhaber mehrerer Pfründen*), в глубине своей души уже помышлял о епископском кресле для себя, и потому всячески акцентировал близость устоев католической и православной русской церквей, пытаясь ссылкой на последнюю, чья верность древним, апостольским традициям не подвергалась сомнению, оправдать католическую иерархию со всеми ее правами и привилегиями, в особенности на светскую власть, которая, как и роскошная жизнь клира, вызывали недовольство и ожесточенные нападки реформаторов⁸⁸. Более того, эта иерархия, то есть епископат, и является, по Фабри, истинным фундаментом, которым зиждется весь религиозный строй москвитов: “Несомненно, именно от епископов зависит сохранение или гибель всей религии рутенов”⁸⁹. Эти слова не стоит принимать на веру. Фабри недопустимо абсолютизировал значение и место епископов в церковной жизни Руси, недооценивая при этом, в частности, роль великого князя, его ответственность за положение дел в церкви⁹⁰. Он представлял ситуацию так,

⁸⁸ *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 24.

⁸⁹ „Hi certe sunt episcopi, per quos statque caditque uniuersa Ruthenorum religio” (*Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio.* С. 153; 184).

⁹⁰ См. у Герберштейна наблюдения и примеры того, как русский государь сохраняет за собой верховные права в решении церковных дел: *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 150-153, 212, 213 и в др. местах. См. в этой связи работу: *Хорошкевич А.Л.* Церковь и государство в «Записках о Московии»

как она ему виделась в свете борьбы с реформаторами, русским примером особенно подчеркивая исключительную роль церковной иерархии как гаранта незыблемости основ и устоев религии.

§ 12. Монашество

Еще одним важным институтом католической церкви, подвергавшимся нападению реформаторов и упраздненному ими, было монашество. Русь, в которой, как сказано у Фабри в маргиналии к основному тексту, “множество монахов” (*Monachi plures*), и в этом случае давала ему весомый аргумент обрушиться на противников иноческого чина с резкой инвективой: “Итак, пусть безумствующая толпа у нас в Германии [то есть, конечно, сторонники Реформации – *Авт.*] не думает, что можно так легко издеваться над монахами, словно над какими-то чудовищами, и поносить их;... монашество, гораздо более соответствующее Евангелию, чем глупые предположения наших людей, [там, у русских – *Авт.*] до сих пор почитается; народ, огрубевший в непрерывных войнах (*gens efferata bello continuo*), высоко ценит то, чем мы гнушаемся”⁹¹. Фабри опять прибегает к уже испытанному приему и, желая сильнее задеть самолюбие принявших сторону Реформации немцев, противопоставляет их безумным, с его точки зрения, новшествам благочестие “огрубевших в непрерывных войнах” людей (тех, кого Куррарий прямо называет “варварами”), свято чтущих древнецерковные институты, в их числе монашество.

Касаясь жизни монастырей, Фабри рассказывает о расположенной неподалеку от Москвы преогромной обители, прославленной погребением в ней Святого Сергия и чудесами, им творимыми. Нет сомнений, что об этом

Сигизмунда Герберштейна // Церковь, общество и государство в феодальной России. (С. 168-186). С. 174-176.

⁹¹ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 154; 184.

Фабри был проинформирован русскими послами, сведения которых он довольно точно воспроизвел. Он отмечает набожность русского монашества, заслужившего за это в обществе величайшее почтение (*summo honore*), уважительное отношение к монашеским обетам (послушания, нищеты, целомудрия), чему Фабри может только позавидовать, наказание узилищем, как за тяжкое злодеяние, всякого, кто дерзнул бы, нарушив обет, бежать из монастыря, даже если это сделает кто-то из высших церковных иерархов⁹².

§ 13 . Целомудрие клира

Метя опять же в протестантов, выступавших против безбрачия духовенства, Фабри превозносит целомудрие (*castitas*) московитов. У них «ни при каких условиях монахам не дозволено брать жен, а монахиням - выходить замуж. Ибо сие запрещает Павел и вся церковь. Тот же, кто женился на девице незапятнанной репутации, [может быть] рукоположен в священники, в монахи, однако, не принимается никогда»⁹³. Нужно обратить внимание, что еще прежде, в «Молоте против Лютеровой ереси» (1524 г.), в сходном контексте Фабри вспоминает о московитах: «Послушай-ка теперь, - обращается он к читателю, - как ведут себя северяне в подобном деле: эти московиты, целиком следуя [апостолу] Павлу, разрешают жениться священнику, но только единожды, и на девственнице... - и далее. - Сии люди, пусть весьма грубые и дикие, однако похваляются, что порядок этот воспринят от Павла, более того - что располагают некими посланиями, написанными рукой Павла»⁹⁴. Их пример, на котором акцентировал Фабри

⁹² Ibid. P. 154, 155; 184, 185. См. также: *Руцинский Л.П.* Указ. соч. С. 120.

⁹³ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio.* С. 155; 185.

⁹⁴ “Audi nunc, quid septentrionales in ea [re] servant: Moscovitae illi; qui toti Paulini sunt, sacerdoti non nisi unam et virginem uxorem habere permittunt... Hi licet quasi efferi sint et homines admodum silvestres, tamen hunc ordinem a Paulo

внимание в двух близких по времени создания произведениях, должен был выглядеть прямым укором и осуждением дерзкой, порывающей со всеми издревле установленными церковными обычаями женитьбе Лютера, августинского монаха, в 1525 г. на беглой монахине, что Фабри мог иметь в виду прежде всего, касаясь этих проблем⁹⁵.

Особое умиление вызывает У Фабри обычай московитских священников отказываться от плотских связей с женами накануне богослужения – это, по его мнению, «составляет венец набожности и усиливает дух благочестия». Более того, «ради пущего благоговения и следующую ночь они воздерживаются от своих жен. Таково в них благоговение по отношению к таинству Тела и Крови [Христовой]...». И, как в других случаях, Фабри этим обыкновением русского белого духовенства считает возможным наставлять своих католических клириков, хотя парадокс состоит в том, что никому из них ни под каким видом не разрешено иметь жену: «Пусть это будет теперь примером для наших [священников], имеющих обыкновение совершать сие пресвятое таинство, залог всего искупления нашего, руками, запятнанными грехом»⁹⁶. Фабри ссылается в качестве образца на православных русских священников, ибо и в том, как они подходят к отправлению богослужения, их религиозное рвение он считает неизмеримо более высоким.

§ 14. Литургия. Представление о чистилище.

Почитание Богородицы и святых

se accepisse, immo quasdam epistolas manu Pauli scriptas sese habere gloriantur” (*Fabri I. Malleus in haeresim Lutheranam. Bd. 1. S. 281*).

⁹⁵ См. в этой связи: *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 22.*

⁹⁶ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. C. 155; 185, 187.*

Совсем не случайно Фабри подробно рассказывает о порядке совершения литургии у московитов – пусть косвенно это подразумевало отпор нападкам протестантов на католическую мессу. Ссылкой на мнение московитов он доказывает ее древнехристианские корни: “Они утверждают, что все, касающееся обрядов и в особенности литургий, исходит из первоначальных установлений церкви, как учат Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов”⁹⁷. В проведении литургии много общего с западной церковью и все же в некоторых отношениях литургия московитов имеет особенности, доказывающие бóльшую набожность этого народа. Например, их “литургия втрое длиннее, нежели принятая у латинян”⁹⁸, что уже само за себя говорит, насколько более они преданы богослужению. В качестве отличия Фабри также отмечает использование ими, как и греками, кислого хлеба. Перечисляя порядок следования частей литургии, Фабри его немного перепутал⁹⁹, но он явно ошибся, выдавая желаемое за действительное и вводя в заблуждение и себя, и читателей, когда заключил, что “у них, вне всякого сомнения, есть представление о чистилище (*purgatorij opinio*)”, из того, что “они усердно молятся за умерших, помогают им [заупокойными службами]”, и «проявляют столь великое благочестие» в этом отношении, что многие из них правят за умерших дважды в год години¹⁰⁰. Понятное дело, что из одного не обязательно должно вытекать другое и, доказывая, что московиты

⁹⁷ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 157; 189.

⁹⁸ *Ibid.* С. 156; 188.

⁹⁹ *Ibid.* С. 156, 157; 188. Подробнее см.: Россия в первой половине XVI в. С. 213, 214 N 61-63.

¹⁰⁰ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 157; 189. Еще раз возвращаясь к обсуждению того, как относятся к чистилищу в православном мире, Фабри выражает уверенность, что московиты готовы держаться в этом вопросе одного мнения с католиками: *Ibid.* С. 166; 199, 200.

признают чистилище, которое они в действительности, наоборот, категорически отвергали, Фабри хотел еще раз, пусть и путем рискованной и, в итоге, несостоятельной логики, возразить критике протестантов католического учения о чистилище.

Сходную направленность содержали сведения Фабри о культе Богородицы и святых, против чего решительно выступали сторонники Реформации, находя в этом пережитки язычества. “Велико их [московитов – *Авт.*] почитание Девы Марии, к которой, как к матери Христа, они часто обращаются в молитвах для заступничества перед сыном”. Далее он перечисляет богородичные праздники, принятые у католиков¹⁰¹, полагая, по-видимому, их полную идентичность богородичным православным праздникам, что обусловило некоторую недостоверность информации; скорее всего по недоразумению он в их число включает праздник Сретения, или Очищения (*Purificatio*), считающийся в западной церкви богородичным, хотя русские послы скорее всего могли говорить ему о другом празднике – Введение во храм Пресвятой Богородицы, о котором Фабри молчит; не указан еще один праздник, особо чтимый на Руси, начиная с Андрея Боголюбского, - Покрова Пресвятой Богородицы¹⁰²; странно было бы, если бы о нем информаторы Фабри даже не упомянули.

Как и Богородицу, московиты почитают святых: “Они верят, что святые могут выступать нашими заступниками перед Богом... По этой причине они им молятся и поклоняются”¹⁰³. С особым благоговением относятся они “к

¹⁰¹ *Ibid.* С. 156; 187.

¹⁰² См.: Россия в первой половине XVI в. С. 213. N 60; *Ткаченко А.А., Лукашевич А.А.* Богородичные праздники // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. V. С. 509-512.

¹⁰³ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio.* С. 167; 200.

Святому Николаю, которого они чтут, прославляют и призывают [в заступники]. И не только они, - добавляет Фабри, - но и многие из татар и магометан”¹⁰⁴. О чрезвычайной популярности Святого Николая на Руси свидетельствует множество русских источников, так что в данном случае Фабри добросовестно передает то, что услышал от послов.

§ 15. Таинства

Вопрос о том, в какой мере и какие таинства практикуют на Руси, представлял для Фабри большую важность, если иметь в виду, что Лютером из семи таинств католической церкви поначалу признавалось только три, а позже и вовсе два – крещение и евхаристия, - да и те подверглись значительному перетолкованию. По Фабри, московиты, как и католики, “признают семь таинств”¹⁰⁵. Он настаивает на том, что московиты сохраняют преемственность с древнецерковными учреждениями и в отношении таинств. Например, таинство *евхаристии* “они устраивают для людей в то же самое время, в какое его установил сам Христос и затем восприняла церковь, то есть во время Пасхи; пожалуй, однако, в другом порядке, нежели совершает и предписывает римская церковь”¹⁰⁶; правда, суть расхождений автор не указывает.

Первым и главным таинством они, тем не менее, считают *крещение* и, если верить Фабри, всякого, кто им пренебрегает и порочит его, они наказывают смертью; достойным совершать это таинство они полагают только священника. Фабри акцентирует древность этого обряда и твердую приверженность московитов изначальным церковным установлениям: “Действительно, все, что от тех, кто заложил у роксоланов [так, по Фабри,

¹⁰⁴ Ibid.

¹⁰⁵ Ibid. С. 165; 198.

¹⁰⁶ Ibid. С. 157; 189.

некогда именовались москвиты¹⁰⁷ – *Авт.*] первые основы веры, передавалось как бы из поколения в поколение, они всегда сохраняли твердо, в чистоте и нерушимости; и они считают, что христианам нельзя и в будущем, подобно тростнику, раскачиваемому ветром, под воздействием чьего-либо ловкого уговора удаляться от этого, а также, если ангел не спустится с небес, разрешать отворачивать, подобно воску, умы свои от сих уставов”¹⁰⁸.

То же самое постоянство в вере опять подчеркнуто буквально через полстраницы в связи с обсуждением обряда обрезания, который москвиты отвергают, ибо “они не допускают ничего такого, что не было бы созвучно и согласно во всем евангельской истине, *православной вере*, которую они столько веков сохраняли чистой неоскверненной, *святой*. Ибо впитали ее с молоком матери [курсив наш – *Авт.*]”¹⁰⁹. Стоит обратить внимание на то, что здесь формулируется понятие *святой православной веры*, которое само по себе не ново и не может не восприниматься иначе, как законное и логичное; непривычно и ново то, что ее охранителем и носителем объявляется русский народ, москвиты. От этого до идеи “Святой Руси” дистанция уже небольшая.

Дважды упоминает Фабри о таинстве *конфирмации*, в которое посвящает верующих по достижении ими совершеннолетия только епископ, в чем он, как обычно, усматривает сохранение “из поколения в поколение” древней,

¹⁰⁷ Ibid. С. 146; 175.

¹⁰⁸ Ibid. С. 158; 189, 190.

¹⁰⁹ “...nihilque quod non ex omni parte Euangelicae ueritati, orthodoxae fidei, huicque quam tot seculis, intemeratam, impollutam, sanctam retinuerint, consonet redoleretque, quod ab ubere ipso tenelli suxissent, admittere” (Ibid. С. 159; 191).

апостольской традиции¹¹⁰. В этом случае Фабри скорее всего принимает одно таинство за другое, ибо в православной церкви нет таинства конфирмации; по предположению А.А. Алмазова, к таковому он мог отнести таинство *миропомазания*, о котором, впрочем, он тоже упоминает ([Sacramentum] Vnctionis)¹¹¹, правда, в маргиналии и которое совершают в православной церкви сразу вслед за крещением¹¹².

Свято чтут, по Фабри, московиты таинство *брака* как изначальное церковное установление, “ибо что однажды предписано святыми отцами, то они никогда не пытаются отменить”. В частности, они остерегаются и избегают матримониальных союзов между близкими родственниками до четвертого колена и категорически запрещают их тем, кто сочетался родством при крещении и конфирмации¹¹³. Как ни странно, Фабри выступил в этом вопросе не против тех, кто отрицал нерушимость брака и допускал развод, подобно сторонникам Реформации; его больше беспокоила практика близкородственных браков, распространенная на Западе, особенно в

¹¹⁰ “Administratio uero huiusmodi sacramenti nulli concessa nisi episcopis: quo coniecturare licet, atque argumenti loco haberi, quandoquidem omnem religionem suam per manus traditam habent ab apostolis, impositionem illam manuum uel in confirmatione, uel in ordine sacro soli episcopo traditam esse, sicque hactenus monumenta omnia tenuerunt, atque perpetua obseruatione custoditum est” (Ibid. С. 159, 160; 191, 192). См. также: С. 152; 182, 183.

¹¹¹ Ibid. С. 153; 183.

¹¹² *Алмазов А.А.* Сообщения западных иностранцев XVI-XVII вв. о совершении таинств в русской церкви (Церковно-археологический очерк). Казань, 1900. С. 31, 32; Россия в первой половине XVI в. С. 212, 213. N 51.

¹¹³ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 160; 192. См. также: *Алмазов А. А.* Указ. соч. С. 51.

феодалной среде, и обусловленная нежеланием знатных семейств дробить и терять владения, передавая их в качестве приданого в чужие руки.

Таинство *священства* вершит, не раз замечает Фабри, только епископ, как и в католической церкви. Именно он жалует священникам так называемую “власть ключей” (*clauium potestas*), коей они могут “разрешать [человека] от грехов или признавать достойным наказания за них”¹¹⁴. Довольно подробно описывает Фабри таинство *покаяния*, или исповеди, которую верующие обязаны творить в праздник Пасхи (можно и чаще – в другие прославленные церковные праздники) и за уклонение от которого им грозит анафема¹¹⁵. И только мимоходом упоминает таинство *елеосвящения*¹¹⁶. Все эти три таинства отвергались реформаторами, хотя были приняты не только в католической, но и в православной церкви, твердо держащейся изначальной церковной традиции, как не уставал подчеркивать это Фабри.

§ 16. Посты. Молитвы. Образа святых

Поразительный пример для подражания и восхищения и убедительнейшее свидетельство превосходства набожности москвитов Фабри увидел в том, как они постятся. Он назвал четыре главных и самых продолжительных поста – семинедельный Великий пост перед Пасхой, Рождественский (или Филиппов) в ноябре-декабре, Петровский пост в середине лета и Успенский (или Богородицкий) пост в августе; постятся также москвиты все среды и пятницы. Некоторые принимают на себя добровольно более строгие посты: так, среди участников посольства, свидетельствует Фабри со ссылкой на их переводчика, восемь человек трижды в неделю соблюдали обет воздержания

¹¹⁴ Ibid. С. 152, 161; 182, 193.

¹¹⁵ Ibid. С. 160, 161, 165; 193, 198.

¹¹⁶ Ibid. С. 153; 183. В русском переводе он ошибочно назван таинством миропомазания.

от употребления в пищу мяса – по понедельникам, средам и пятницам. Иные, по словам московитов, “постясь, не употребляли в пищу ничего, что, как очевидно, некогда обладало жизнью, даже рыбу”; а другие в определенные дни поста не пьют ни вина, ни чего-либо другого из, надо думать хмельных, напитков. И великим, заслуживающим кары проступком считается у них вкушение чего-то скоромного – мяса или яиц – во время поста. Весь этот рассказ так сильно подействовал на Фабри и его помощников, что они, “охваченные *восторгом*, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших [то есть западных – *Авт.*] христиан с ними в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление. И ничто более не запало в наши души, как [мысль о том], что мы, которые много себе усвоили от древа веры нашей, оказывается, в отношении плодов ее хуже, чем они. Итак, нам добрым христианам, следует усердно молиться,... чтобы вместе с другими народами, которые, как мы считаем, вообще ведут звериный образ жизни, [нас] можно было узнать по этим плодам доброго древа...”¹¹⁷. Очередное и очень резкое противопоставление воистину христианских, потрясающих воображение обыкновений московитов, в частности их чрезвычайно строгого постничества, неудовлетворительному, если не сказать плачевному, соблюдению норм христианского поведения в латинской Европе, причем противопоставление

¹¹⁷ Qua re audita ita moti, ut mente, ἐνθουσιασμῶ correpti, destituti uideremur, quod admodum iniquam esse nostrorum Christianorum cum illis in rebus istis Christi religionem concernentibus comparationem apparabat: nec magis unquam quicquam animis nostris tenacius inhaesit, quod nos qui nobis ipsis multum persuademus de arbore fidei nostrae, fructu quidem deteriores illis esse contingat. Oremus igitur sedulo boni Christiani, ut semel obdurationi huic Pharaonicae cordium nostrorum finem imponat ac gratiam retribuat, ut cum alijs quos alias ferinae uitae aestimamus, cognoscere liceat his fructibus bonae arboris” (Ibid. С. 162; 194, 195).

тем более трагическое для европейцев, что они безнадежно проигрывают в сравнении с народами – конечно, в первую очередь, речь идет о москвичах/русских, - которые, в их, европейцев, представлении, “ведут звериный образ жизни”, или, как мы сейчас сказали бы, бесконечно далеки от цивилизации.

То же самое впечатление произвели на Фабри молитвы русских. В частом их употреблении нелегко найти, замечает он, христиан, равных им. Среди них нет ни одного, кто не совершал бы ежедневных молебнов. Начинают они с рассвета, обращают к Богу долгие молитвы и “молятся почти непрерывно”. Надо думать здесь Фабри, следуя своим информаторам, несколько преувеличивал, и у москвитов после молитв еще оставалось какое-то время для иных дел. А вот другое его и прямое свидетельство очевидца о том, что у русских послов были молитвенники, достойно полного доверия; подобные молитвенники, одобренные церковью, сообщает он далее, покупают люди богатые, «могущие делать большие издержки и обученные русским письменам»¹¹⁸. Подобный молитвенник, по-видимому, мог Фабри наблюдать в покоях, занимаемых посольством: в комнате посла «с левой стороны возвышался стол, на котором лежала книга превеликих размеров с рутенскими письменами, по ней, как объяснили, князь [Иван Иванович Засекин-Ярославский – Авт.], словно [выполняя] урок, ежедневно произносил молитвы»¹¹⁹.

Большого внимания заслуживает одно прямое свидетельство Фабри, поведенное им для доказательства того, сколь высоко чтят москвиты священные образы, или иконы. “Однажды, - рассказывает Фабри, - когда я вошел в покои братьев Блаженного Франциска, в которых была опочивальня главы посольства, я обнаружил там в отменном порядке в головах спящего

¹¹⁸ Ibid. С. 162, 163; 195.

¹¹⁹ Ibid. С. 163; 196.

расположенные: дивной красоты образ Пресвятой Девы (*imaginem diuae uirginis mira honestate depictam*), написанный по подобию того, который, как говорили [послы], был создан некогда Св. Лукой и находится в Москве” и в котором легко угадывается икона Богоматери Владимирской; далее в этом походном иконостасе посла имелась “картина (*tabulam*) Воплощения Господня; следующая показывала, как Его бережно держит на руках Симеон; следующая содержала бегство в Египет; следующая – страсти, воскресение и победное вознесение [Господа] на небеса. Была еще одна картина, на которой замечательно изображены были скорби и радости Пресвятой Девы Марии. Наконец, была картина с изображениями и именами апостолов”¹²⁰. Подобные образа, на которых можно было видеть «Распятого, Пресвятую Деву, апостолов и некоторых других», в первую очередь, конечно же, святых, москвиты имеют обыкновение «помещать даже в трапезных на виду, дабы постоянно являлось духу то, что Бог сотворил ради нас, и легче вспоминалось о примере для всей нашей жизни – Христе»¹²¹. Столь подробно остановился Фабри на использовании икон у москвитов не из познавательного интереса, но потому что священные образы стали объектом ожесточенной антикатолической полемики реформаторов, наиболее радикальная часть которых явила к тому времени примеры открытого иконоборчества, вынося из церкви священные изображения и даже уничтожая их¹²². Сравнение с москвитами и в этом отношении опять не в пользу западных христиан и легко догадаться, кому Фабри мог адресовать укоризненные слова: «У них нет презрения, или пренебрежения, к

¹²⁰ *Ibid.* С. 163; 195, 196. См. также: Россия в первой половине XVI в. С.214. N 79-83.

¹²¹ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio.* С. 163, 164; 196.

¹²² См.: Баранов В.А. Иконоборчество и апология религиозных изображений на Западе // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XXII (С. 43-44). С. 44.

[священным] образам, каковое вопреки всякому благочестию распространилось из-за этих мятежей сегодня у нас»¹²³.

§ 17. Обряды

Кроме упомянутых в предыдущих разделах, Фабри обращает внимание и на другие обряды, принятые у московитов. В частности, он пишет об использовании ими свечей при богослужении, как это в обыкновении и у католиков; похоже, что он воспроизводит доводы самих московитов, объясняя употребление свечей изобилием у них воска и их убеждением, что «плодами земли и всем тем, что у кого есть, следует воздавать почитание Богу»¹²⁴.

Детально описаны обряды, совершаемые перед смертью. Тяжело заболев, человек имеет обыкновение исповедоваться в своих грехах и принимать причастие; он также настаивает на совершении таинства елеосвящения (соборования). При этом все, находящиеся около умирающего, усердно за него молятся. После чистосердечного признания в грехах и совершении всех положенных обрядов, исповедующийся получает от священника отпущение грехов¹²⁵.

Заслуживает упоминания еще один обряд, бегло рассказанный Фабри. Речь идет об отлучении тех, кто принародно грешат. «Отлученный лишается

¹²³ “Imaginum uero non tam leuis cura aut contemptus apud ipsos uiget, ueluti apud nos his factionibus huius seculi increbruit praeter omnem pietatem” (*Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. P. 163, 195). См. также: *Kämpfer Fr. La “Sainte Russie” vue par l’Europe occidentale: l’image de la chretienté russe en Occidente et le concept de “Sainte Russie*. P. 199.

¹²⁴ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 164; 197.

¹²⁵ *Ibid.* С. 165; 198.

всякого общения с людьми и участия в церковной жизни». На языке московитов, по утверждению Фабри, это отлучение называется «obscha»¹²⁶; скорее всего с названием Фабри что-то напутал и принял часто повторяемые его информаторами слова с корнем «общ» за то слово, коим именуется само это отлучение¹²⁷.

§ 18. Благотворительность. Паломничества

Доказывая близость религиозных установлений московитов, держащихся, как не раз подчеркнуто, древних апостольских правил, и католиков, Фабри остановился на их делах милосердия. По его словам, «они [то есть московиты и надо думать из состоятельных слоев общества – *Авт.*] берут на свое содержание много нищих, которых каждый из них, по своему достатку и, как того требует евангельское благочестие, наделяет милостыней, одевает, поит [и кормит], принимает, творя и другие подобного рода вещи, облегчающие существование сынов Божиих, из боязни подвергнуться Страшному Суду...». Желание их, «раздающих не скудную, но щедрую и доброхотную [милостыню]», в том, чтобы «некогда обильно пожать отпущение грехов и награду за свое милосердие – дар вечной жизни, к чему всем нам всеми силами души только и надлежит устремляться». Для этого же, добавляет он коротко, «совершают они паломничества к установленным святым местам»¹²⁸. Была ли эта мысль подсказана беседами с русским посольством или они использовались только для иллюстрации ее, выношенной Фабри гораздо раньше, неизвестно, но он абсолютно точно сформулировал главную цель всех религиозных устремлений средневекового христианства, вдохновлявшую верующих, - стяжать жизнь вечную, или спасение души.

¹²⁶ Ibid. С. 167; 200, 201. См. также: *Алмазов А.А.* Указ. соч. С. 39.

¹²⁷ См.: Россия в первой половине XVI в. С. 215. N 103.

¹²⁸ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio.* С. 164, 165; 197.

§ 19. Канон Священного Писания

Что касается Нового Завета, то каноническими его писаниями они считают четыре Евангеля от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, «послания Павла и другие, - добавлено Фабри, - нами принятые [писания] вместе с Апокалипсисом». К «другим», надо думать, причислены послания иных апостолов и Деяния Апостолов. Действительно, набор священных текстов Нового Завета тот же, что и у католиков. «К каноническим же писаниям Ветхого Завета они относят то же, что и католическая церковь»¹²⁹, - замечает Фабри и ошибается, ибо в составе Ветхого Завета у православных и католиков есть небольшие различия¹³⁰. Но для него важно другое – акцентировать именно идентичность священных книг двух исповеданий, чтобы, опираясь на авторитет не только католиков, но и православных, возразить на текстологические изыскания и сомнения реформаторов в аутентичности некоторых писаний, вошедших в Библию¹³¹.

§ 20. Индульгенции

Любопытно, что Фабри, сам в 1518 г. выступавший против торговли индульгенциями¹³², уверяет, будто они известны и москвитам, выдавая желаемое за действительное и явно вкладывая им в уста то, что они и не могли ему сообщить, ибо об индульгенциях скорее всего не имели никакого представления. «От архиепископа и епископов [москвиты] получают

¹²⁹ Ibid. С. 166; 199.

¹³⁰ См.: Павлов И.о., Сомов А. Канон Священного Писания // Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. II (Кол. 745-751). Кол. 747-749. См. также статью «Библия» в: Православная энциклопедия. М., 2002. Т. V (С. 89-97). С. 93, 94.

¹³¹ Павлов И.о., Сомов А. Указ. Соч. Кол. 749, 750.

¹³² См. выше С. ???

индульгенции, однако, - замечает он, - в этом деле они поступают, пожалуй, благочестивее, чем мы. Ибо они считают весьма нечестивым, чтобы приобреталось за большие деньги то, что ими получено безвозмездно»¹³³. Скорее всего за индульгенции у московитов он выдал отпущение грехов, получаемое верующими после исповеди, что к разряду индульгенций – то есть разрешительных грамот, приобретаемых верующими за деньги, как было широко принято в ту пору в католической Европе¹³⁴ - причислено быть не может; не случайно он подчеркивает их, будто бы, бесплатность у московитов. Этим они, как христиане, опять же выигрывают в сравнении с католиками, практиковавшими продажу индульгенций, хотя, если все же поверить Фабри, не расходились с ними по сути – в том, что индульгенции допустимы.

§ 21. Ереси

Дважды обращается Фабри к осуждению вопроса о ересь. Московиты, по его словам, всеми способами их избегают и, “если случится какое-либо недоразумение в вере или в обрядах богослужения, для разрешения всего этого обращаются они только к духовному [авторитету] архиепископа и других епископов, ничего не оставляя непостоянному и несогласному [разумению] народа”¹³⁵; то есть и в этом случае, как прежде во многих других, пример московитов противопоставлен установке реформаторов решать церковно-богословские проблемы, апеллируя к народу.

¹³³ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 165; 198.

¹³⁴ См.: *Церох Г.о., Горелов А.* Индульгенция // *Католическая энциклопедия*. М., 2005. Т. II (Кол. 346-352). С. 249, 250; *Казбекова Е.В., Тюшагин В.В.* Индульгенция // *Православная энциклопедия*. М., 2009. Т. XXII (С. 632-643). С. 632-638.

¹³⁵ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 151, 152; 181, 182.

Если же кем-то овладевает учение, противное «евангельской истине, православной вере, которую они столько веков сохраняли», и он впадает в ересь, то они вначале вразумляют его, «доколе [яд учения его], подобно раковой болезни, не распространится столь широко, что уничтожить оный было бы невозможно - тотчас епископским осуждением такого человека, как загнивший член, отсекают [от сообщества верных] и извергают [из онога]»¹³⁶. Такими вот способами москвиты избегают ересей или противостоят им, что, как явствует из напрашивающегося сравнения с католическим миром, оказалось ему не под силу.

§ 22. Светская власть и церковь

В “Молоте против Лютеровой ереси” Фабри обвинял реформатора в желании поставить духовенство, включая папу, под контроль мирян¹³⁷. Скрытую полемику с этими установками своих религиозных противников Фабри продолжил в трактате о москвитях: “И ни при каких условиях не дозволено мирянам надзирать за ними [священниками – *Авт.*], ... у них [москвитов – *Авт.*] твердо установлено и принято, - пишет он далее, - что надзору, суду и наказанию только епископа подлежат те, которые ему подвластны соответственно порядку евангельскому и которые принесли обет служить Господу”. Более того, по Фабри, “и сам император никогда не

¹³⁶ Ibid. С. 159; 191.

¹³⁷ “Lutherus velit totum clerum laicis subiici... - сказано в маргиналии, а в основном тексте, в словах, обращенных к Лютеру, добавлено, - tantum efficere conaris, ut papa sit cum tota sua cohorta sub potestate laicorum” (*Fabri I. Malleus in haeresim Lutheranam. Bd. 1. P. 235*). На эту же тему см. у Фабри: Ibid. Bd. 2. P. 332, 369. См. также: *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 24.*

вмешивается в дела о наказаниях клириков»¹³⁸. А ведь он, «император рутенов является... усердным покровителем религии (Ruthenorum imperator... adhuc pietatis eiusmodi diligens custos)... и доселе имеет обыкновение ежегодно посылать константинопольскому патриарху милостыню, коей тот мог бы жить, смиренно ожидая конца сего египетского рабства»¹³⁹, то есть османского завоевания.

Что касается милостыни константинопольскому патриарху (и другим восточным патриархам), то она действительно выделялась, но не имела регулярного характера, поступая либо в форме «дачи», либо как право на сбор средств в приходах русской православной церкви¹⁴⁰. Утверждения же Фабри о независимости клира от светской власти опровергают свидетельства Сигизмунда Герберштейна, который, в частности, пишет: «свою власть он [русский государь – *Авт.*] применяет к духовным так же, как и к мирянам...»¹⁴¹; в Москве сам Герберштейн видел, как наказывали публично плетью пьяных священников; более того, рассказывали ему случай, когда по приговору суда уличенный в воровстве священник был даже повешен¹⁴². И

¹³⁸ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 153; 183.

¹³⁹ *Ibid.* С. 152; 182.

¹⁴⁰ См.: *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному востоку в XVI-XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 119 и след. (данные о милостыне, посылаемой русским правительством константинопольскому патриарху, относятся только к XVII в.); *Синицына Н.В.* Два мира: возможность взаимопонимания // *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы* (С. 35-62). С. 56; *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы*. С. 212. N 50.

¹⁴¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 92, 93.

¹⁴² *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 154, 155. См. также работы: *Kämpfer Fr. Siegmund von Herbersteins „Rerum moscoviticarum Commentarii“*

хотя сведения Герберштейна не всегда верны и честны и нуждаются в проверке, тем не менее не подлежит сомнению, что Фабри в видах антипротестантской полемики, возможно, сам веря в то, о чем он писал, приукрасил положение духовного сословия на Руси, доказывая его будто бы полную автономию от уважающей его права светской власти.

§ 23. Отличия русской православной церкви от католической

Представляя церковную жизнь русских как образец благочестия, которому не худо было бы следовать и католикам, Фабри старался преуменьшить различия и разногласия между двумя исповеданиями¹⁴³, обнаруживал, например, как уже было показано, у русских и концепцию чистилища, и практику индульгенций, и иные воззрения и обыкновения латинян, православным на деле совершенно чуждые. Тем не менее, определенный спектр различий он указывал, впрочем, не очень акцентируя на них внимание. Так, он бегло упоминал о главном догматическом расхождении: «Они [московиты – *Авт.*] держатся убеждения точно так же, как и греки, что Дух Святой исходит только от Отца, а не от Сына¹⁴⁴». Как неприемлемое для католиков он отметил допущение у московитов детей, начиная с трех лет, к таинству евхаристии; а равно – совершению его на кислом хлебе (а не на

als religionsgeschichtliche Quelle // Siegmund von Herberstein. Kaiserliche Gesandte und Begründer der Russlandkunde und die europäische Diplomatie. Graz, 1989 (S. 149-163). S. 151; *Kämpfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 24, 25; *Хорошкевич А.Л.* Церковь и государство в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна. С. 174-179.

¹⁴³ Ср. наблюдения: *Руцинский Л.П.* Указ. соч. С. 9, 295.

¹⁴⁴ *Fabri I.* Moscouitarum iuxta mare glaciale religio. С. 166; 199. См. также: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 215. N 96.

пресном) и причащение верующих-мирян хлебом и вином в качестве Тела и Крови Господа¹⁴⁵, ибо в католическо церкви так причащается клир, прочие же люди – только хлебом. Другие особенные, отличительные черты религиозных взглядов и установлений московитов, даже если они описаны в трактате, как, например, право священника быть женатым, не отмечаются и не выделяются Фабри в качестве таковых.

§ 24. Папство и русская церковь. Перспектива унии

По Фабри, московиты “всегда и по праву признают, что римский понтифик в качестве преемника [апостола] Петра выше константинопольского патриарха”¹⁴⁶. Это его утверждение, как и другое - “они [московиты – *Авт.*] признают римского понтифика викарием Христа и наследником Петра”¹⁴⁷, - заведомо ложное, ничего подобного ни от кого из членов посольства он слышать не мог, ибо на Руси и в церкви, и в обществе отношение к подобным претензиям папства на верховенство, как и к самому папству, было неизменно резко негативное¹⁴⁸.

Когда же Фабри напомнил русским послам, что «[римским понтификом] они осуждаются как отступники и схизматики, они заявили, что отдают себя на суд Бога, праведного Судии»¹⁴⁹, - ответ достойный и дипломатичный и

¹⁴⁵ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 167; 201. См. также: *Ibid.* С. 156; 188.

¹⁴⁶ *Ibid.* С. 152; 182.

¹⁴⁷ *Ibid.* С. 166; 199.

¹⁴⁸ Источники по этой теме см.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 212. N 49.

¹⁴⁹ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. Р. 166; 199. Приведенная в тексте цитата опровергает утверждение Н.В. Сеницыной (Два мира:

похожий на тот, который действительно могли дать послы, находясь в чужой им, католической стране.

“Очень часто делались попытки убедить их вернуться в лоно западной церкви”¹⁵⁰, - замечает Фабри, забывая добавить, что все они никакого успеха не имели. Наоборот, отражая назойливое желание папства обратить православных в католическую веру или на его условиях заключить с ними унию, Фабри утверждал (без каких-либо оснований), будто московитские послы все же надеются, что после того, как будет достигнуто согласие «с Его Цесарским Величеством, всеобщим главой» (то есть с императором Карлом V), «а равно с Твоей Светлостью» (то есть с эрцгерцогом Фердинандом), «то легко воспоследует... согласие с верховным пастырем» (то есть с папой)¹⁵¹. Он явно подыгрывал папским амбициям и широко распространенным среди католиков настроениям поглотить, вобрать в себя православный мир, когда, приписывая московитам невозможное, пытался уверить, что они держатся одного мнения с римской церковью по поводу чистилища, “с величайшим рвением” посещают католическую мессу, “тщательно соблюдают почти все наши [католические – *Авт.*] священные обряды”¹⁵², то есть подводил к мысли, что нет серьезных препятствий, мешающих московитам соединиться с западной церковью.

§ 25. Православная Русь: союзник римского католицизма

возможность взаимопонимания. С. 52) о том, что Фабри «настолько заинтересован в создании положительного образа [московитов – *Авт.*], что даже не пишет о схизме». Русских он все же упрекает в схизме, но не особенно акцентирует на этом внимание.

¹⁵⁰ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 166; 199.

¹⁵¹ *Ibid.*

¹⁵² *Ibid.* С. 166; 199, 200.

или царство святых?

В конце своей работы Фабри горько сетовал: “Итак, с полным основанием ты [эрцгерцог Фердинанд – *Авт.*] и все государи Германии могут негодовать и сокрушаться, что дошло до того, что вместо истинного доселе благочестия их [люди] предались всякому нечестию по отношению к богам, родителям, предкам и отечеству. Ведь забыв [нашу] древнюю добропорядочность, они предают врагам как отечество свое, так и души свои”¹⁵³. Русь же, не знающая тяжелых религиозных потрясений, свято чтущая церковную традицию, та самая Русь, в православном населении которой доселе видели схизматиков и вероотступников, теперь представлялась чуть ли не последним оплотом истинного христианства.

Более того, вольно или невольно православная Русь в изображении Фабри выступала как союзник римского католицизма, поставленного перед необходимостью бороться с церковной Реформацией¹⁵⁴. Весь строй религиозной жизни московитов описан Фабри так, чтобы их примером подтвердить истинность и незыблемость всех тех установлений католической церкви, которые отвергались реформаторами: папское верховенство, епископскую власть, монашество, семь таинств, использование священных образов, веру в помощь святых заступников, даже, хотя и с оговорками, индульгенции.

С начала и до конца своей небольшой книжки Фабри стыдит, укоряет, жалит немцев, “всегда почитавшихся в высшей степени преданными христианству”, а теперь, по его словам, “отходящих от Христа”, предпочитающих “враждебное религии”, примером московитов,

¹⁵³ Ibid. С. 168, 169; 202.

¹⁵⁴ См. также наблюдения: *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 27.*

сохранивших неповрежденным унаследованное от апостолов и святых отцов христианство. В нескольких прямых, жестких сопоставлениях с религиозностью русских он стремится продемонстрировать всю глубину нравственной деградации его соотечественников: “Ибо где [у рутенов] обнаруживается корень жизни, там наши немцы скорее находят смерть; если те – Евангелие Божие, то эти воистину злобу людскую укоренили; те преданны постам, эти же чревоугодию; те ведут жизнь строгую, эти – изнеженную; они используют брак для [сохранения] непорочности, наши же немцы совсем негоже – для [удовлетворения] похоти; и не вызывает никакого сомнения то, что если у них [совершение] таинств уничтожает бремя грехов, то, к прискорбию, у наших пренебрежение таинствами увеличивает это бремя”¹⁵⁵.

Наоборот, всевершенство христианской жизни москвитов, согласно Фабри, заслуживает тем большего удивления и восхищения, что живут они почти в изоляции от христианского мира, “отовсюду окруженные турками и татарами”, у Ледовитого моря, ожесточенные, как не раз подчеркнуто в трактате, беспрестанными войнами и не имея никогда мира – и вот в этих-то неблагоприятных условиях они “твердо держатся стародавней своей религии”¹⁵⁶. По остроумному замечанию Кэмпфера, “к своему радостному изумлению на берегу Ледовитого моря Фабри открыл царство святых (ein Reich der Seligen)”¹⁵⁷, пример которого, добавим, он всячески эксплуатировал в целях антипротестантской полемики. И все же сводить только к этой причине появление на страницах трактата Фабри образа преданной древнему благочестию, благоговейно хранящей заветы апостольской церкви Руси было

¹⁵⁵ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 168; 202.

¹⁵⁶ *Ibid.* С. 167, 168; 201.

¹⁵⁷ *Kämpfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch*. S. 27. См. также: *Руцинский Л.П.* Указ. соч. С. 294, 295.

бы недопустимым упрощением. Несомненно, сами русские информаторы Фабри не могли не дать ему основания своими рассказами воспринимать Русь как особую, избранную страну, своего рода заповедник подлинно христианской жизни. И надо согласиться с Н.В. Сеницыной, что трактат Фабри можно рассматривать как «первое появление в Европе описанного латинским языком образа “Святой Руси”», хотя, уточняет исследовательница, именно такого понятия в нем еще нет¹⁵⁸. И это объяснимо, оно только-только, буквально в те же годы (1524-1526 гг.), формулировалось во второй редакции послания неизвестного автора к Василию III (“брододержателю же всея свята и Великия Росия”)¹⁵⁹, которая, стоит заметить, близка по времени к посланию старца псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину (1523-1524 гг.), содержащему не менее

¹⁵⁸ *Сеницына Н.В.* Два мира: возможность взаимопонимания. С. 53.

¹⁵⁹ Послание Псевдофилофея (?) великому князю московскому Василию III Ивановичу (?) // *Идея Рима в Москве XV-XVI века. Источники по истории русской общественной мысли.* Roma, 1993. С. 166. См. также: *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901. С. 561; *Сеницына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С. 250, 269-278. Странно, что А.В. Соловьев, посвятивший теме «Святой Руси» специальные работы, не отмечает и никак не комментирует появление в русской церковно-политической мысли первой трети XVI в. этого понятия, не говоря уже о его отражении в европейской публицистике того же времени (*Soloviev A.V.* Helles Russland-Heiliges Russland // *Festschrift für Dmytro Čyževskij zu 60. Geburtstag.* Berlin, 1954 (S. 282-289). S. 285); *Soloviev A.V.* Holy Russia. The History of Religious-Social Idea. The Hague, 1959).

фундаментальную для русской идеологии концепцию Московской Руси (или царства Русского) как “Третьего Рима”¹⁶⁰.

И все же какие-то следы этого понятия у Фабри заметны: “Тем не менее, святую эту веру во Христа (*sacrosanctam illam fidem in Christum*), - пишет Фабри, - изначально усвоенную ими от отцов, они не позволили погубить дерзкому, нечестивому и греховному невежеству, сохранив ее до настоящего времени в целостности, чистоте и святости”¹⁶¹. Не первый раз Фабри в трактате веру московитов называет “святой”¹⁶², определением, которое легко может быть перенесено на страну или на землю, занимаемую народом, из поколения в поколение живущим по этой вере и оберегающим ее чистоту. Таким образом скорее всего и появилось понятие “Святая Русь”, хотя, когда оно зарождалось, в период брожения его смыслов, искавших для их отражения адекватную словесную форму, выражения были, конечно, более размыты и неопределенны, но стержневой во всех них оставалась идея святости (веры, жизни, обрядов и т.д.), и ее-то русские информаторы, говоря о своей стране и религии, донесли до Фабри.

§ 26. Единство несовместимого: образ-кентавр Руси

И все же, резюмируя, нельзя не заметить, что образ Московской Руси, созданный в трактате Фабри, совсем не однозначен. Да, Фабри

¹⁶⁰ См.: Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М.Г. Мисюрю Мунехину // *Идея Рима в Москве*. С. 147, 148. См. также: *Синицына Н.В.* Третий Рим. С. 237-246; *Малинин В.* Указ. соч. С. 383-385, 759-768.

¹⁶¹ *Fabri I. Moscouitarum iuxta mare glaciale religio*. С. 168; 201.

¹⁶² См. выше. С. ?

преимущественно демонстрирует с разных сторон приверженность ее обитателей чистому, незамутненному христианству, завещанному апостолами и святыми отцами (при том, что в некоторых вопросах московиты, как он признает, не согласны с католиками), фактически набрасывая довольно подробную картину того, что его русский современник назвал “Святой Русью”. Вместе с тем Фабри время от времени напоминает, что народ московитский имеет дурную репутацию и – в силу тяжелых природных условий и бесконечных войн, которые он вынужден вести, – действительно груб, жесток, даже звероподобен по характеру своей жизни. Фабри ни в коем случае не отказывается от идущей из глубокого средневековья и широко принятой в европейской публицистике XV-XVI вв. оценки русских как варваров, народа дикого, чуждого цивилизации. Но эту оценку он совмещает с принципиально другим восприятием, навязанным, что называется, “зlobой дня”, – выступлением сторонников Реформации, заставившим в русском православии, которое в Европе третировали как схизму (о чем у Фабри тоже есть упоминание), искать союзника для борьбы с новыми религиозными бунтарями и пример христианской стойкости и преданности древнецерковной традиции. В итоге, у Фабри получился своего рода образ-кентавр, соединяющий два диаметрально противоположных взгляда на современную ему Русь и ее церковный строй.